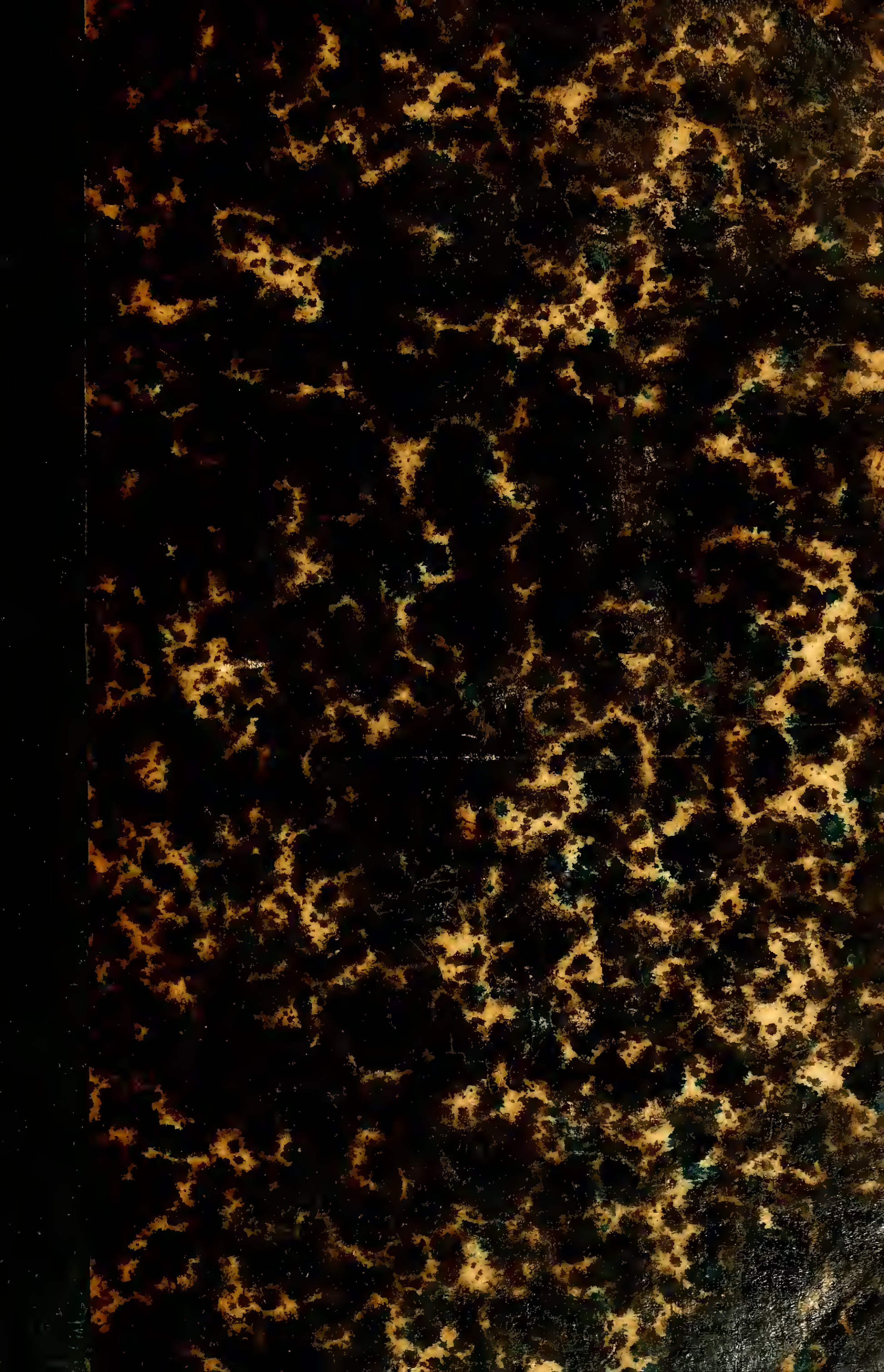

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Я. П. Полонскаго.

Санктпетербургъ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 18 Февраля 1855 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи И. ФИШОНА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Въ колыбель младенца, ночью,
Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.
«Отчего такъ свѣтитъ мѣсяцъ?»
Робко онъ меня спросилъ.

Въ день-деньской устало Солнце,
И сказалъ ему Господь:
«Лягъ, засни! и за тобою
«Все задремлетъ, все заснетъ.»

И взмолилось Солнце брату:
«Братъ мой, Мѣсяцъ золотой!
«Ты зажги фонарь, и ночью
«Обойди ты край земной!

«Кто тамъ молится, кто плачетъ,
«Кто мѣшаетъ людямъ спать —
«Все развѣдай, и по-утру
«Приходи и дай мнѣ знать!»

Солнце спитъ; а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земной покой...
Завтра-жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой.

Стукъ-стукъ-стукъ!.. Отворятъ двери.
«Солнце, встань! Грачи летятъ,
«Пѣтухи давно пропѣли,
«И къ заутрени звонятъ.»

Солнце встанетъ, Солнце спроситъ:
«Что, голубчикъ, братецъ мой,

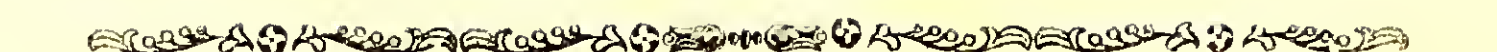
«Какъ тебя Господь Богъ носитъ?
«Что ты блѣденъ? что съ тобой?»

И начнетъ разсказъ свой Мѣсяцъ —
Кто и какъ себя ведетъ...
Если ночь была спокойна —
Солнце весело взойдетъ.

Если жъ нѣтъ—взойдетъ въ туманѣ;
Вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ,
Въ садъ гулять не выйдетъ няня —
И дитя не поведетъ.

1841.

СТАТУЯ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ХУДОЖНИКА.

Въ часъ заката, съ послѣднимъ лучомъ
Покидалъ я въ Локридѣ мой домъ;
Въ часъ мерцанія вѣчныхъ свѣтилъ
Отдыхать я на камнѣ любилъ,
Возлѣ Моря Коринѳскаго — тамъ,
Гдѣ почіетъ разрушенный храмъ.

Помню я, какъ летучій песокъ
Знойный вѣтеръ крутя подымалъ
Тамъ, гдѣ прежде священный потокъ
Подъ оливами звонко журчалъ,
Гдѣ, бывало, по яснымъ зарямъ
Отражало живое стекло
Вѣчно-юное нимфы чело,
И кипѣла живая волна
Подъ навѣсомъ пахучихъ листовъ,
Когда ночью купалась она,
На траву сброся бѣлый покровъ,
И въ таинственномъ мракѣ звончѣй
На шиповникѣ пѣлъ соловей...
О Эллада! Эллада!

Тамъ, гдѣ прежде въ четыре ряда
Подпирали колонны карнизъ,
Помню я, какъ бродили стада,
И зеленою плетью вились,
То взбѣгая, то падая внизъ,
По руинамъ живые листы
Повилики, и мохъ выступалъ,
И на сѣромъ обломкѣ плиты
Желтый змѣй чешуею сверкалъ...
О Эллада! Эллада!

Но надъ пепельной грудой камней,
Изъ-за темнозеленыхъ вѣтвей
Поднималась статуя. Вѣкà
На лицѣ пощадили черты
Первобытной ея красоты,
И была лишь отбита рука,
Да обтесаны складки одеждъ
Безпощадной рукою невѣждъ...
И была обвита вся кругомъ
Та статуя зеленымъ плющомъ.

Помню ночь — ночь была
Упоительной нѣги полна,
Въ облака погружаясь луна
И изъ нихъ выплывая, была
Такъ тепла, такъ волшебно свѣтла,
Что, казалось, въ заливѣ морскомъ,
Золотымъ подвигаясь столбомъ,
Ея лучъ волны моря зажжетъ,
Что ей гимнъ гдѣ-то нимфа поетъ!
Чей-то парусъ бѣлѣлся вдали;
Кто-то правилъ чуть видный рулемъ;
Темный руль догоняли струи,
Отливаясь вдали серебромъ...

И, колеблясь, прозрачно-густой
Отъ земли къ небесамъ паръ ночной
Поднимался—какъ будто богамъ,
Безъ огня, самъ собой ѳиміамъ
Воскурялся...

Въ эту ночь на холмѣ я стоялъ.
Я къ статуѣ мой взоръ приковалъ,
И ея блѣдно-мраморный ликъ
Съ томно-яснымъ челомъ съ высоты
Мнѣ на встрѣчу глядѣлъ, и въ тайникъ
Моей юной души всѣ черты
Я хотѣлъ уловить и съ собой
До утра унести ихъ домой —
Чтобы съ утреннимъ первымъ лучомъ
Въ мертвый мраморъ ударить рѣзцомъ,
Благороднымъ и рѣзкимъ чертамъ
Уловленную мысль передать,
И чредою грядущимъ вѣкамъ
Все, что было завѣщано намъ,
Въ первобытной красѣ завѣщать!

АНГЕЛЪ.

Любилъ я тихій свѣтъ лампады золотой,
Благоговѣйное вокругъ нея молчанье,
И, тайнаго исполненъ ожиданья,
Какъ часто я, откинувъ пологъ свой,
Не спалъ, на мягкій пухъ облокотясь рукою,
И думалъ: въ эту ночь хранитель-ангелъ мой
Прійдетъ ли въ тишинѣ бесѣдовать со мною?..
И мнилось мнѣ: на ложѣ, близь меня,
Въ сіяньѣ трепетномъ лампаднаго огня,

Въ блѣдно-серебряномъ сидѣлъ онъ одѣяньѣ...
И тихо, шопотомъ я повѣрялъ ему
И мысли, дѣтскому доступныя уму,
И сердцу дѣтскому доступныя желанья.
Мнѣ сладокъ былъ покой въ его лучахъ;
Я весь проникнутъ былъ божественною силой.
Съ улыбкою на пламенныхъ устахъ,
Задумчиво внималъ мнѣ свѣтлокрылый;
Но очи кроткія его глядѣли вдаль —
Они грядущее въ душѣ моей читали,
И отражалась въ нихъ какая то печаль...
И ангелъ говорилъ: «Дитя, тебя мнѣ жаль!
«Дитя, поймешь ли ты слова моей печали?»
Душой младенческой я ихъ не понималъ,
Края одеждъ его ловилъ и цаловалъ,
И слезы радости въ очахъ моихъ сверкали.

РАЗСКАЗЪ ВОЛНЪ.

Я у моря, грусти полный,
Ждалъ родные паруса.
Бурно пѣнилися волны,
Мрачны были небеса —
И разсказывали волны
Про морскія чудеса.

«Слушай, слушай! Подъ волнами —
«Тамъ, среди гранитныхъ скалъ,
«Гдѣ растетъ, сплетясь вѣтвями,
«Блѣдно-розовый кораллъ;

«Тамъ, гдѣ груды перламутра
«При мерцающей лунѣ,
«При лучахъ пурпурныхъ утра,
«Тускло свѣтятся на днѣ;

«Тамъ, среди чудесъ природы —
«Токомъ водъ принесена,
«Отдыхать отъ непогоды
«На песокъ легла она.

«Вѣютъ косы, размываясь;
«Чуденъ блескъ раскрытыхъ глазъ;
«Грудь ея, не опускаясь,
«Высоко приподнялась.

«Нити травъ морскихъ густою
«Сѣтью спутались надъ ней,
«И повисли бахрамою,
«Притупляя блескъ лучей.

«Высоко надъ ней горами
«Ходятъ волны, и звучитъ

«Надъ кипящими волнами
«Звонкій голосъ Нереидъ.

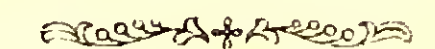
«Но напрасно тамъ въ пространствѣ
«Слышны плески, крикъ и стонъ:
«Непробуденъ въ нашемъ царствѣ
«Чудной дѣвы сладкій сонъ.

«Много лѣтъ заря вставала,
«Много вашихъ кораблей
«Злая буря разметала,
«Много гибло васъ, людей...

«Но и нынѣ подъ водою,
«Распростерта на пескѣ,
«Прислонившись головою
«Къ блѣдно-мраморной рукѣ,

«Отъ грозы, отъ непогоды
«Отдыхаетъ ваша дочь —
«Въ лонѣ матери-природы
«Отдыхаетъ день и ночь!»

Такъ разсказывали волны
Про морскія чудеса.
Бурно пѣнилися волны,
Мрачны были небеса...
И глядѣлъ я, грусти полный —
Чьи бѣлѣютъ паруса?

СТАРУШКА.

Старушка сгорбившись сидитъ;
Свѣча печально догораетъ,
Ночь тянется; она зѣваетъ...
Всѣ спятъ — она одна не спитъ...
И все сидитъ — и все гадаетъ.

Но можетъ быть, кого-нибудь
Въ далекій проводивши путь,
О дочери, о миломъ сынѣ
Она гадаетъ, и понынѣ

Ихъ ждетъ съ любовью каждый часъ.
Нѣтъ, брачныхъ узъ она не знала,
Сердечныхъ правъ не признавала —
Ее Господь отъ горя спасъ.

Зачѣмъ же, подпершись руками,
Старушка сгорбившись сидитъ,
На карты мутными глазами
Глядитъ и блѣдными губами,
Гадая, молча шевелитъ?

За то, что бѣдная не знала,
О чемъ всю жизнь свою гадала,
Она взамѣнъ молитвъ и сна
Теперь гадать осуждена.
О всѣхъ теперь она хлопочетъ:
И что̀ кума? и что̀ сосѣдъ?
Лишь объ одномъ у картъ не хочетъ
Спросить—умретъ она, иль нѣтъ?

1842.

* * *

Развалину башни, жилище орла,
Сѣдая скала высоко подняла,
И вся наклонилась надъ бездной морской,
Какъ старецъ подъ ношей, ему дорогой.

И долго та башня уныло глядитъ
Въ глухое ущелье, гдѣ вѣтеръ свиститъ;
И слушаетъ башня—и слышится ей
Веселое ржанье и топотъ коней.

И смотритъ сѣдая скала въ глубину,
Гдѣ вѣтеръ качаетъ и гонитъ волну,
И видитъ—въ обманчивомъ блескѣ волны
Шумятъ и мелькаютъ трофеи войны.

1845.

ТѢНИ.

По̀ небу синему тучки плывутъ;
По̀ лугу тѣни широко бѣгутъ.
Тѣни ль толпой на меня налетятъ —
Дальнія горы подъ солнцемъ блестятъ.
Солнце ль внезапно меня озаритъ —
Тѣнь по горамъ полосами бѣжитъ.
Такъ на душѣ человѣка порой
Думы, какъ тѣни, проходятъ толпой;
Такъ иногда вдругъ тепло и свѣтло
Ясная мысль озаряетъ чело.

1845.

У АСПАЗІИ.

Гость.

Чтобъ это значило? — вижу, сегодня ты
Домъ свой, какъ храмъ, убрала:
Между колоннъ занавѣсы приподняты;
Благоухаетъ смола;
Цитра настроена, свитки разбросаны;
У посыпающихъ полъ
Смуглыхъ рабынь твоихъ косы расчёсаны;
Ставятъ амфоры на столъ.
Ты же блѣдна, — словно всѣми забытая,
Молча стоишь у дверей?

Аспазія.

Площадь отсюда видна мнѣ, покрытая
　　Тѣнью сквозныхъ галерей.
Шумъ ея замеръ, и это молчаніе
　　Въ полдень такъ странно, что вновь
Сердце мнѣ мучитъ тоска ожиданія,
　　Радость, тревога, любовь.
Буйныхъ Аѳинъ тишину изучила я:
　　Это — Периклъ говоритъ...
Если блѣдна и молчитъ его милая,
　　Значитъ — весь городъ молчитъ!...
Чу! шумъ на площади.... рукоплесканія....
　　Друга вѣнчаетъ народъ!...
Но и въ лавровомъ вѣнкѣ изъ собранія
　　Онъ въ эти двери войдетъ.

1854.

ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ НѢМАНЪ.

Вотъ Руси граница, вотъ Нѣманъ. Французы
Наводятъ понтоны; работа кипитъ...
И съ грохотомъ катятся мѣдныя пушки,
И стонетъ земля отъ копытъ.

Чу! бьютъ въ барабаны... Склоняютъ знамена;
Какъ громъ далеко раздается: «Vivàt!»
За кѣмъ на коняхъ короли-адъютанты
Въ парадныхъ мундирахъ летятъ?

Надвинувъ свою треугольную шляпу,
Все въ томъ же походномъ своемъ сюртукѣ,

На бѣломъ конѣ проскакалъ императоръ —
Съ подзорной трубою въ рукѣ.

Чело его ясно, движенья спокойны,
Въ лицѣ не видать сокровенныхъ заботъ.
Коня на скаку осадилъ онъ, и видитъ —
За Нѣманомъ туча встаетъ.

И думаетъ онъ: «Эта темная туча
«Моей свѣтозарной звѣзды не затмитъ!» —
И мнится ему въ то же время — сверкая,
Изъ тучи перстъ Божій грозитъ....

И, душу волнуя, предчувствіе шепчетъ:
«Сомнетъ знамена твои русскій народъ!»
«Впередъ!» говорятъ ему слава и геній:
«Впередъ, императоръ! впередъ!»

И ликъ его блѣденъ, движенья тревожны,
И шагомъ онъ ѣдетъ, и молча глядитъ —
Какъ къ Нѣману катятся мѣдныя пушки
И стонутъ мосты отъ копытъ.

КАЧКА ВЪ БУРЮ.

(Посв. М. Л. Михайлову.)

Громъ и шумъ. Корабль качаетъ;
Море темное кипитъ;
Вѣтеръ парусъ обрываетъ
И въ снастяхъ свиститъ.

Помрачился сводъ небесный,
И, ввѣряясь кораблю,
Я дремлю въ каютѣ тѣсной...
Закачало — сплю.

Вижу я во снѣ: качаетъ
Няня колыбель мою,
И тихонько запѣваетъ:
«Баюшки-баю!»

Свѣтъ лампады на подушкахъ;
На гардинахъ свѣтъ луны...
О какихъ-то все игрушкахъ
Золотые сны.

Просыпаюсь... Что случилось?
Что такое? Новый шквалъ? —
«Плохо — стеньга обломилась,
«Рулевой упалъ.»

Что̀ же дѣлать? что̀ могу я?
И, ввѣряясь кораблю,
Вновь я легъ и вновь дремлю я...
Закачало — сплю.

Снится мнѣ: я свѣжъ и молодъ,
Я влюбленъ, мечты кипятъ...
Отъ зари роскошный холодъ
Проникаетъ въ садъ.

Скоро ночь — темнѣютъ ели...
Слышу ласково-живой,
Тихій лепетъ: «На качели
«Сядемъ, милый мой!»

Станъ ея полувоздушный
Обвила моя рука,
И качается послушно
Зыбкая доска...

Просыпаюсь... Что случилось? —
«Руль оторванъ; черезъ носъ
«Вдоль волна перекатилась,
«Унесенъ матросъ!»

Что же дѣлать? Будь, что будетъ!
Въ руки Бога отдаюсь:
Если смерть меня разбудитъ —
Я не здѣсь проснусь.

1851. Ялта.

ПѢСНЯ ЦЫГАНКИ.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ — и спозаранокъ
Въ степь, далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

Кто то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя!

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ;
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ;
Мы простимся на мосту.

1853.

ЗИМНІЙ ПУТЬ.

Ночь холодная мутно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
А ямщикъ погоняетъ коней.

За горами, лѣсами, въ дыму облаковъ,
Свѣтитъ пасмурный призракъ луны;
Вой протяжный голодныхъ волковъ
Раздается въ туманѣ дремучихъ лѣсовъ...
Мнѣ мерещатся странныя сны.

Мнѣ все чудится, будто скамейка стоитъ,
На скамейкѣ старуха сидитъ —
До полуночи пряжу прядетъ,
Мнѣ любимыя сказки мои говоритъ,
Колыбельныя пѣсни поетъ.

И я вижу во снѣ, какъ на волкѣ верхомъ
Ѣду я по тропинкѣ лѣсной
Воевать съ чародѣемъ-царемъ
Въ ту страну, гдѣ царевна сидитъ подъ замкомъ,
Изнывая за крѣпкой стѣной.

Тамъ стеклянный дворецъ окружаютъ сады;
Тамъ жаръ птицы поютъ по ночамъ
И клюютъ золотые плоды;
Тамъ журчитъ ключъ живой и ключъ мертвой воды...
И не вѣришь и вѣришь очамъ!

А холодная ночь такъ же мрачно глядитъ
Подъ рогожу кибитки моей;
Подъ полозьями поле скрипитъ,
Подъ дугой колокольчикъ гремитъ,
И ямщикъ погоняетъ коней.

1844.

ИМЕРЕТИНЪ.

О! было время, трудъ полезный
Имеретинъ позабывалъ,
Мѣняя плугъ и серпъ желѣзный
На ружья, шашку и кинжалъ.

Вражда стучалась въ наши двери,
Мы прятались, куда кто могъ,
Иль, кровожадные, какъ звѣри,
Шли на врага, взведя курокъ.

Костры сигналъ намъ подавали:
По высотамъ сторожевымъ
Мы ночью зарева искали,
А днемъ разглядывали дымъ.

Насъ ночью глушь лѣсовъ пугала;
На стражѣ сидя у дверей,
Мы принимали плачъ шакала
За плачъ украденныхъ дѣтей.

Какъ часто вѣтра шумъ привольный,
Трескъ сучьевъ, лошадиный топъ —
Меня бросалъ то въ жаръ невольный,
То въ лихорадочный ознобъ.

Въ ножи играли дѣти наши
И бѣгали обнажены,
И, дна не видя горькой чаши,
Не ждали мы конца войны.

И равнодушно мы сносили
Нашъ плѣнъ и нашъ позоръ, когда
Красавицъ нашихъ уводили
На трапезонтскія суда.

Мы знали, дома ждалъ ихъ голодъ;
Мы знали, брачную постель
Ихъ замела бы въ зимній холодъ
Неугомонная метель.

Жилища наши стали бѣдны,
И обѣднѣли алтари,
Гдѣ передъ битвами молебны
Служили нѣкогда цари.

Но, закаленные бѣдами,
Не закалили мы сердецъ...
Какъ надъ младенцами, надъ нами
Небесный сжалился Отецъ.

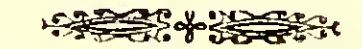
Потухло зарево пожаровъ,
Угомонилася вражда;
Плѣнно-продавцевъ янычаровъ
Исчезли грозныя суда.

Единовѣрному народу
Вручили мы свою судьбу;
Онъ далъ намъ полную свободу
Начать безкровную борьбу —

Борьбу съ сохой, борьбу съ лопатой,
Съ шелкомотальнымъ колесомъ...
И сталъ богатъ нашъ домъ досчатый
Мотками шелка и виномъ.

Рубли въ карманахъ завелися,
Висятъ замки на сундукахъ,
И съ пѣснями до Кутаиса
Мы Русскихъ возимъ въ каюка̀хъ.

1849.

СТАРЫЙ САЗАНДАРЪ.

Земли, полуднемъ раскаленной,
Не освѣжила ночи мгла.
Заснулъ Тифлисъ многобалконный;
Гора темна, луна тепла...

Курà шумитъ, толкаясь въ темный
Обрывъ скалы живой волной...
На той скалѣ есть домикъ скромный,
Съ крыльцомъ надъ самой крутизной.

*) Импровизаторъ-пѣвецъ.

Тамъ, ни кого не потревожа,
Я разостлать могу коверъ,
Тамъ цѣлый день, спокойно лежа,
Я бъ могъ смотрѣть на цѣпи горъ:

Горъ не видать — вся даль одѣта
Лиловой мглой; лишь мостъ виситъ,
Чернѣетъ башня минарета,
Да тополь въ воздухѣ дрожитъ.

Хозяинъ мой хоть брови хмуритъ,
А право радъ, что я въ гостяхъ...
Я все молчу, а онъ все куритъ,
На лобъ надвинувши папахъ.

Усы сѣдые, взглядъ сердитый,
Суровый видъ; но пѣсенъ жаръ
Еще таитъ въ груди разбитой
Мой престарѣлый Сазандаръ.

Когда мнѣ сердце грусть сжимаетъ,
И я зайду къ нему, бродя

Въ часъ поздней ночи — онъ снимаетъ
Чунгу̀ри * пыльную съ гвоздя.

И, мѣдныхъ струнъ перстомъ касаясь,
Поетъ, какъ будто пѣснь его
Способна, дико оживляясь,
Касаться сердца моего!

Поетъ: «Молись, чтобъ духъ твой крѣпнулъ;
«Не плачь; пока весь этотъ міръ
«И не оглохъ и не ослѣпнулъ,
«Ты званый гость на Божій пиръ.

«Пока у насъ довольно хлѣба,
«И есть еще кувшинъ вина,
«Не раздражай слезами Неба,
«И знай, тоска твоя грѣшна.

«Гляди — еще цѣла за нами
«Та сакля, гдѣ тому назадъ
«Полвѣка, жадными глазами
«Ловилъ я сердцу милый взглядъ.

---

*) Чунгури — музыкальный инструментъ.

«Тогда мнѣ міръ казался тѣсенъ:
«Я умиралъ, когда не могъ
«На праздникѣ, во имя пѣсенъ,
«Переступить ея порогъ.

«Вотъ съ этой старою чунгӯри
«При ней, бывало, на дворѣ
«Я пѣлъ, какъ птица послѣ бури
«Хвалебный гимнъ поетъ зарѣ.

«Теперь я старъ; она — далеко!
«И гдѣ? не вѣдаю; но вѣрь,
«Что дальше той, о комъ глубоко
«Ты можетъ-быть грустишь теперь...

«Твое мученье — за горами,
«Твоя любовь — въ родномъ краю;
«Моя — надъ этими звѣздами
«У Бога ждетъ меня въ раю!»

И вновь молчитъ старикъ угрюмый;
Облокотясь на край ковра,

Онъ тихо внемлетъ съ важной думой,
Какъ подъ горой шумитъ Кура̀.

Ему былое время снится...
А мнѣ?... Я не скажу ему,
Что сердце гостя не стремится
За эти горы ни къ кому;

Что мнѣ въ огромномъ этомъ мірѣ
Не весело; что можетъ-быть
Я лишній гость на этомъ пирѣ,
Гдѣ собралися ѣсть и пить;

Что пѣсенъ даръ меня тревожитъ,
А пѣснямъ нѐкому внимать,
И что на старости быть-можетъ
Меня въ раю не будутъ ждать!

1853

РЫБАКЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ГЕТЕ.

(Посв. А. Н. Майкову.)

Волна бѣжитъ, шумитъ, колышетъ
Едва замѣтный поплавокъ;
Рыбакъ поникъ и жадно дышетъ
Прохладой, глядя на потокъ.
Въ немъ сердце сладко замираетъ...
Онъ видитъ — женщина изъ водъ,
Ихъ разсѣкая, выплываетъ
Вся на поверхность, и поетъ —

Поетъ съ тоскою безпокойной:
«Зачѣмъ народъ ты вольный мой
«Манйшь изъ волнъ на берегъ знойный
«Приманкой хитрости людской?
«Ахъ, если бъ зналъ ты, какъ привольно
«Быть рыбкой въ холодѣ рѣчномъ —
«Ты бъ не остался добровольно
«Съ холма слѣдить за поплавкомъ.

«Свѣтила любятъ, надъ морями
«Склонясь, уйдти въ пучину водъ:
«Ихъ, надышавшихся волнами,
«Не лучезарнѣй ли восходъ?
«Не ярче ли лазурь трепещетъ
«На персяхъ шепчущей волны?
«Ты самъ... гляди, какъ ликъ твой блещетъ
«Въ прохладѣ ясной глубины.»

Волна бѣжитъ, шумитъ, сверкаетъ...
Рыбакъ поникъ надъ глубиной.
Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой.

Она поетъ... рыбакъ не смѣло
Скользитъ къ водѣ... его нога
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла —
И опустѣли берега...

1852.

ГЛАЗА.

Свѣтъ восходящихъ звѣздъ, вся ночь, когда она
Свѣтла безъ мѣсяца, безъ облаковъ темна,
Заключена въ глазахъ твоихъ чудесныхъ.
При нихъ теряюсь я, и не могу понять —
И словомъ не могу понятнымъ передать
Волненій, сердцу неизвѣстныхъ.
Я вѣрю иногда, что мнѣ въ глазахъ твоихъ
Читать любовь была бъ отрада;

А иногда мнѣ страшно возлѣ нихъ,
Какъ темной ночью возлѣ клада.
Что выражаетъ мнѣ твой непонятный взглядъ,
Когда глаза твои глядятъ и не глядятъ
Изъ подъ рѣсницъ тяжеловѣсныхъ?
Не такъ ли двѣ звѣзды, двѣ путницы небесныхъ,
Не зная, чьи мечты за ними вслѣдъ текутъ,
Горятъ — не грѣютъ, но влекутъ...

ВЕСНА.

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонитъ ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приноситъ ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ:
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты, любовь, праздной жизни подруга!
Не съумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась —
И другимъ улыбнулась тайкомъ...

И, лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрыпятъ,
Для другихъ засвѣтила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

1853.

НА ПУТИ ИЗЪ-ЗА КАВКАЗА.

I.

Неприступный, горами заставленный,
Ты, Кавказъ, нашъ воинственный край,
Ты, нашъ городъ Тифлисъ знойно-каменный,
Свѣтлой Грузіи солнце, прощай!

Душу, къ битвамъ житейскимъ готовую,
Я за снѣжный несу перевалъ...
Я Казбекъ миновалъ, я Крестовую
Миновалъ, не далèко Дарьялъ.

Слышу, Терека волны тревожныя
Въ мутной пѣнѣ по камнямъ шумятъ;
Колокольчикъ звенитъ, и надёжные
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Выси горъ, въ облака погруженныя,
Разступитесь! Приволье станицъ,
Разстилаются степи зеленыя...
Я простору не вижу границъ.

И душа на просторъ вырывается
Изъ подъ власти кавказскихъ громадъ...
Колокольчикъ звенитъ-заливается;
Кони юношу къ сѣверу мчатъ.

Погоняй! тухнетъ день за курганами;
Съ вышекъ молча глядятъ казаки;
Красный мѣсяцъ встаетъ за туманами;
Не далеко дрожатъ огоньки.

Въ сторонѣ слышу карканье во́рона:
Различаю въ потьмахъ трупъ коня...
Погоняй, погоняй! тѣнь Печорина
По слѣдамъ догоняетъ меня.

II.

Ты, съ которой такъ много страданія
Терпѣливо я прожилъ душой,
Безъ надежды на миръ и свиданіе,
Навсегда я простился съ тобой.

Но боюсь, если путь мой протянется —
Изъ родимыхъ полей въ край чужой
Одинокое сердце оглянется
И сожмется знакомой тоской...

Вспомнитъ домикъ твой, дворикъ, увѣшанный
Виноградными лозами, тѣнь,
Гдѣ твоимъ лепетаньемъ утѣшенный,
Я вдавался въ безпечную лѣнь...

Вспомнитъ розъ ароматъ надъ канавою,
Бубна звонъ въ поздній вечера часъ,
Твой *личакъ* и улыбку лукавую,
И огонь соблазняющихъ глазъ.

Все, что было обманомъ, измѣною,
Что лежало на мнѣ, словно цѣпь,
Все исчезло изъ памяти съ пѣною
Горныхъ рѣкъ, вытекающихъ въ степь.

1851.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Какъ быстро пароходъ летѣлъ, рулю послушный,
Какъ тяжко колебалъ въ волнахъ онъ грудь свою,
И какъ я долго ждалъ душой неравнодушной,
Чтобъ отворилась дверь твоей каюты душной,
Чтобъ ты взошла на ютъ и сѣла на скамью.
Дулъ вѣтеръ; сизыми грядами
Катились волны; небеса
Пурпурными свѣтлѣлись облаками;
Труба хрипѣла; дымъ клоками
Летѣлъ, — и ты съ кормы глядѣла, вмѣстѣ съ нами,
Какъ опускали паруса̀...
Я помню — ты была блѣдна, безъ покрывала;
Зловѣщая заря свой пламень отражала

Въ зрачкахъ твоихъ глубоко-темныхъ глазъ...
Какъ вдругъ ты на меня взглянула и сказала:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась!»
—За чѣмъ? съ невольнымъ изумленьемъ
Тебя я шопотомъ спросилъ...
Но Богъ не внялъ твоимъ моленьямъ
И море въ ночь угомонилъ.

Надъ палубой луна сіяла такъ привѣтно —
Я лунный свѣтъ ловилъ на пальцахъ рукъ твоихъ...
И ночь безсонная промчалась незамѣтно
Подъ мѣрный стукъ движеній паровыхъ.
О чемъ ужъ мы съ тобой тогда не говорили,
Какихъ запутанныхъ вопросовъ не рѣшили!
Съ какой охотою, какъ смѣло, той порой,
Въ игру опасныхъ словъ играли мы съ тобой!
Ты намекала мнѣ на раннія сомнѣнья,
На повѣсть грустную непонятой любви,
На безполезныя стремленья,
И на потребность утѣшенья,
И на страданія свои.
То ты сбиралась жить въ Италіи зимою,
То пламенно желала умереть...
Мнѣ было жаль тебя... Какъ могъ я не жалѣть?
Сидѣли мы вдвоемъ, одни, рука съ рукою,

Со всѣхъ сторонъ окружены
Необозримою пучиной —
Не при свѣчахъ, а въ сумеркахъ луны,
На палубѣ, а не въ гостиной!

Случайный другъ, другъ только для одной
Прекрасной ночи, голосъ твой
Еще мнѣ памятенъ; но гдѣ ты, я не знаю;
Года умчали молодость мою,
Въ житейскомъ морѣ я одинъ блуждаю —
То къ мирной пристани гоню мою ладью,
То снова парусъ подпимаю.
Увижусь ли когда нибудь съ тобой?
Узнаю ли тебя среди толпы людской?
Напомню ли тебѣ о нашей встрѣчѣ?
Къ чему напоминать!.. Тѣ пламенныя рѣчи,
Тѣ призраки, что увлекали насъ,
Давно ихъ нѣтъ! И я не разъ,
Надъ жизнію смѣяться вслухъ не смѣя,
Смѣялся внутренно, воображая часъ,
Когда на палубѣ сказала ты, блѣднѣя:
«Дай Богъ, чтобъ буря поднялась.»

1853.

ПТИЧКА.

Пахнетъ полемъ воздухъ чистый...
Въ безмятежной тишинѣ,
Пѣсни птички голосистой
Раздаются въ вышинѣ.

Есть у ней своя подруга,
Есть у ней пріютъ ночной,
Средь некошеннаго луга,
Подъ росистою травой.

Въ небесахъ, но не для неба,
Вся полна живыхъ заботъ,
Для земли, не ради хлѣба,
Птичка весело поетъ.

Внемля ей, невольно стыдно
И досадно, что порой
Сердцу гордому завидна
Доля птички полевой!

* * *

Нѣтъ, нѣтъ! не оттого признаньемъ медлю я,
Что я боюсь — она не отзовется
Мнѣ на мою любовь, холодный смѣхъ тая,
Что старая печаль, какъ лютая змѣя,
Опять въ душѣ моей проснется!
Другъ, разрушать мечты ужь я привыкъ давно,
И сердце у меня готово къ новымъ ранамъ;
Не въ первый разъ мнѣ суждено
Быть самому себѣ тираномъ.
Но... если я любимъ... но если съ первыхъ словъ
Она сама мнѣ бросится на шею!...
Сказать ли, отчего я медлю и робѣю?
Кто передъ женщиной рыдая пасть готовъ,
Тотъ не готовъ еще назвать ее своею;
Кто съ юныхъ лѣтъ страстей обуздывалъ языкъ,
Кто пріученъ людьми не вѣрить ихъ участью,
Кто къ лицемѣрію привыкъ —
Тому нужна привычка къ счастью.

СПАСИБО.

Думалъ я, что этой рѣчи
Трепетъ, звукъ и теплота —
Эхо тайны, осторожно
Замыкающей уста...

И, рѣчамъ твоимъ внимая,
Сердце мертвое моё
Оживало и молилось
За второе бытiё.

Зналъ ли я тогда, безумецъ,
Что для слуха моего
Твой привѣтъ — одна учтивость,
А для сердца — ничего?

Но за то тебѣ спасибо,
Что невинный твой обманъ
Изъ могилы сердце вызвалъ
На борьбу, для новыхъ ранъ!

Можетъ быть, въ любви сгарая,
Закипитъ оно враждой...
Все же лучше буря жизни,
Чѣмъ могила и покой!

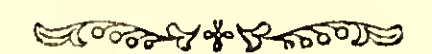

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Слушай! вникни въ эту пѣсню!
Пѣснь моя легко наводитъ
На стезю, гдѣ безъ пріюта
Красота уныло бродитъ.

Слушай! Если слухъ твой тонокъ,
Ты поймешь ея страданья:
У нея и въ самомъ смѣхѣ
Отзывается рыданье.

Каждымъ словомъ, каждымъ взглядомъ
Очаруетъ молодая —
И пойдешь ты, какъ безумецъ,
Въ лѣсъ бродить, по ней вздыхая!

* * *

Какъ въ Ромео, когда въ роскошномъ снѣ
Онъ воскрешаетъ Юлію, во мнѣ
Печали, радости, любви такъ много,
Что я готовъ на долго отложить
Дорогу дальнюю до милаго порога —
Чтобъ дольше видѣть сны, чтобъ долѣе грустить!

1841.

* * *

Пришли и стали тѣни ночи —
На стражѣ у моихъ дверей!
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей;
Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ, моей небрежной
Рукой измятое, кольцо.
Помедли, ночь! густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ.

Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;
Въ моихъ рукахъ рука застыла;
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О солнце, солнце! Погоди!

1842.

ЖАЛОБА.

Всѣ говорятъ, что стала я блѣдна,
Что блѣдность мнѣ къ лицу... Что въ этомъ толку!
Вѣдь вы не знаете, какъ часто я одна
Грущу и плачу — плачу въ тихомолку.
Сказать ли вамъ за тайну, отчего
За мной домашніе присматриваютъ строже?
Клянитесь — матушкѣ секрета моего
Не открывать... О, сохрани васъ Боже!
Вотъ видите — одинъ больной у насъ въ дому
Живетъ: онъ съѣхалъ къ намъ на дачу... И сначала
Мнѣ было дико съ нимъ — не знаю, почему...

Но съ каждымъ днемъ къ нему я привыкала —
И наконецъ теперь, чтобъ нравиться ему,
Ужъ я чего, чего себѣ не позволяю!
Чего не дѣлаю! Какихъ не прилагаю
Стараній, хитростей!.. То, косу распустя,
Я передъ нимъ играю, какъ дитя;
То въ уголъ я сажусь, молчу и поминутно
Любуюсь имъ, и не умѣю путно
Сказать двухъ словъ; то съ небольшимъ вѣнкомъ
Изъ васильковъ, отъ матушки тайкомъ,
Къ нему на встрѣчу я сбѣгаю въ садъ старинной,
И у калитки тамъ, въ концѣ аллеи длинной,
Стою и жду...

Но что ни дѣлаю, ничто не помогаетъ:
По прежнему онъ холоденъ и тихъ;
По прежнему сидитъ, да книги все читаетъ...
Какъ будто хуже я его несносныхъ книгъ!

МРАМОРНОЕ СЕРДЦЕ.

Ты назвала мое сердце
Мраморнымъ сердцемъ...
Знаешь ли —
Тайно желая меня уколоть,
Ты похвалу мнѣ сказала,
Бѣдный ребенокъ!

Мягкое сердце
Воску подобно;
Таетъ оно —
Или подъ пальцами
Рѣзвой дѣвушки
Всякую форму способно принять.

Обыкновенно жъ игрушку,
Куклу вы лѣпите —
И, наигравшися вдоволь,
Въ уголъ бросаете
Мраморъ же —
Мраморъ на что̀ вамъ?
Мраморъ тяжелъ и не таетъ...
Мертвую глыбу
Камня одинъ лишь художникъ
Въ силахъ вполнѣ оцѣнить!

О, если бъ только
Въ сердцѣ твоемъ загорѣлся
Вѣчно творящій,
Все-согрѣвающій,
Все-проникающій пламень!...

«Милый художникъ!»
Я бы невольно воскликнулъ:
«Смѣло бери свой рѣзецъ!
«Мраморъ рѣзцу лишь послушенъ. —
«Мраморнымъ сердцемъ владѣя,
«Ты полу-бога себѣ изваяй!»

1845.

ЗАТВОРНИЦА.

Въ одной знакомой улицѣ
Я помню старый домъ —
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшеннымъ окномъ.

Тамъ огонекъ, какъ звѣздочка,
До полночи свѣтилъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тихонько шевелилъ.

Никто не зналъ, какая тамъ
Затворница жила;
Какъ часто сила тайная
Меня туда влекла!

И что за чудо-дѣвушка
Въ завѣтный часъ ночной
Меня встрѣчала, блѣдная,
Съ распущенной косой!

Какія рѣчи дѣтскія
Она твердила мнѣ
О жизни неизвѣданной,
О дальней сторонѣ!

Какъ, не по-дѣтски пламенно,
Прильнувъ къ устамъ моимъ,
Она дрожа шептала мнѣ:
«Послушай, убѣжимъ!

«Мы будемъ птицы вольныя,
«Забудемъ гордый свѣтъ...
«Гдѣ нѣтъ людей прощающихъ —
«Туда возрата нѣтъ!»

И тихо слезы капали,
И поцѣлуй звучалъ,
И вѣтеръ занавѣскою
Тревожно колыхалъ.

ВСТРѢЧА.

Вчера мы встрѣтились. Она остановилась;
Я также. Мы въ глаза другъ другу посмотрѣли.
О Боже! какъ она съ тѣхъ поръ перемѣнилась!
Въ глазахъ потухъ огонь, и щеки поблѣднѣли...
И долго на нее глядѣлъ я молча-строго.
Мнѣ руку протянувъ, бѣдняжка улыбнулась.
Я говорить хотѣлъ; она же ради-Бога
Велѣла мнѣ молчать, и тутъ же отвернулась,
И брови сдвинула, и выдернула руку,
И молвила: «Прощайте, до свиданья!»
А я хотѣлъ сказать: «На вѣчную разлуку,
«Прощай, погибшее, но милое созданье!»—

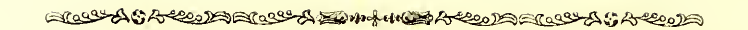
* * *

Не мои ли страсти
Поднимаютъ бурю?
Съ бурями бороться
Не въ моей ли власти?

Пронеслася буря
И дождемъ и градомъ;
Пролилася туча
Надъ зеленымъ садомъ.

Боже! на листочкахъ
Облетѣвшей розы
Какъ алмазы блещутъ
Не мои ли слёзы?

Или у природы,
Какъ у сердца въ жизни,
Есть своя улыбка
И свои невзгоды?

КОЛОКОЛЬЧИКЪ.

Улеглася метелица; путь озаренъ...
Ночь глядитъ милліонами тусклыхъ очей.
Погружай меня въ сонъ, колокольчика звонъ;
Выноси меня, тройка усталыхъ коней!
Мутный дымъ облаковъ и холодная даль
Начинаютъ яснѣть; бѣлый призракъ луны
Смотритъ въ душу мою — и былую печаль
  Наряжаетъ въ забытые сны.
То вдругъ слышится мнѣ — страстный голосъ поетъ,
  Съ колокольчикомъ дружно звеня:
«Ахъ, когда-то, когда-то мой милый прійдетъ,
  «Отдохнуть на груди у меня!
«У меня ли не жизнь! Чуть заря на стеклѣ
«Начинаетъ лучами съ морозомъ играть,
«Самоваръ мой кипитъ на дубовомъ столѣ,
«И трещитъ моя печь, озаряя въ углѣ
  «За цвѣтной занавѣской кровать...

«У меня ли не жизнь! Ночью ль ставень открытъ—
«По стѣнѣ бродитъ мѣсяца лучъ золотой;
«Забушуетъ ли вьюга — лампада горитъ,
«И, когда я дремлю, мое сердце не спитъ,
«Все по немъ изнывая тоской!»

То вдругъ слышится мнѣ — тотъ же голосъ поетъ,
Съ колокольчикомъ грустно звеня:
«Гдѣ-то старый мой другъ? я боюсь, онъ войдетъ
«И, ласкаясь, обниметъ меня!
«Что за жизнь у меня! — И тѣсна, и темна,
«И скучна моя горница; дуетъ въ окно...
«За окошкомъ растетъ только вишня одна,
«Да и та за промерзлымъ стекломъ не видна,
«И, быть можетъ, погибла давно.
«Что за жизнь! Полинялъ пестрый полога цвѣтъ;
«Я больная брожу и не ѣду къ роднымъ;
«Побранить меня нѐ-кому — милаго нѣтъ...
«Лишь старуха ворчитъ, какъ приходитъ сосѣдъ,
«Оттого, что мнѣ весело съ нимъ.»

1854.

СМЕРТЬ МАЛЮТКИ.

Свою куклу раздѣла малютка
И покрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И недѣтскимъ забылася сномъ.

И не видитъ малютка изъ гроба —
Въ этотъ солнечный день, при свѣчахъ,
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою, въ цвѣтахъ.

А ужь ка̀къ бы она любовалась,
Если бъ только могли разбудить!
Милый другъ, будемъ плакать, какъ дѣти,
Чтобъ недѣтское горе забыть...

1854.

* * *

Недѣлю назадъ мнѣ нашъ докторъ шутя говорилъ:
«Вы блѣдны, вамъ надобенъ воздухъ, вамъ нужно движенье!»
И вотъ по террасѣ и взадъ и впередъ я ходилъ,
Но я не нашелъ я не могъ тамъ найдти развлеченья.

Въ гостиной сидѣлъ за раскрытымъ столомъ мой отецъ;
Нахмуривши брови, сурово хранилъ онъ молчанье.
Старуха, надѣвъ какъ-то на бокъ нескладный чепецъ,
Гадала на картахъ; онъ слушалъ ея бормотанье.

Не много подальше, тайкомъ говоря межъ собой,
Двѣ гордыя тетки на пышномъ диванѣ сидѣли;
Двѣ гордыя тетки глазами слѣдили за мной
И, губы кусая, съ насмѣшкой въ лицо мнѣ глядѣли...

А въ темномъ углу, опустя голубые глаза —
Не смѣя поднять ихъ, недвижно сидѣла блондинка:
На блѣдныхъ ланитахъ ея трепетала слеза,
На жаркой груди высокò поднималась косынка.

1844.

ВЫЗОВЪ.

За окномъ въ тѣни мелькаетъ
Русая головка.
Ты не спишь, мое мученье,
Ты не спишь, плутовка!

Выходи жъ ко мнѣ на встрѣчу,
Съ жаждой поцѣлуя!
Къ сердцу сердце молодое
Пламенно прижму я.

Ты не бойся, если звѣзды
Слишкомъ ярко свѣтятъ:
Я плащемъ тебя одѣну
Такъ, что не замѣтятъ!

Если сторожъ насъ окликнетъ —
Назовись солдатомъ;
Если спросятъ, съ кѣмъ была ты —
Отвѣчай, что съ братомъ!

Подъ надзоромъ богомолки,
Вѣдь тюрьма наскучитъ;
А неволя по-неволѣ
Хитрости научитъ!

НОВОЙ ЛАУРѢ.

СОНЕТЪ.

Прости, поэзія! И вы, мечты Петрарки!
И ты, моя Лаура! Въ добрый часъ,
Отъ жениха глупца богатые подарки
Ты приняла. Ужъ обручили васъ.

Смѣшно! Какъ пьяница отъ лишней горькой чарки,
Я плачу — и готовъ на тысячу проказъ.
Судя по влажности твоихъ лукавыхъ глазъ,
Воображаю, какъ должны быть жарки —

Законныя лобзанья... Боже мой!
Не онъ ли былъ смѣшонъ тебѣ своей фигурой,
Своею важностью надутой и пустой?

Не ты-ли назвала его каррикатурой!
Но, впрочемъ, Богъ съ тобой! Кажись ему женой,
Какъ ты до сей поры казалась мнѣ Лаурой!

1849.

ПРОСТИ.

Пора... Прости! Никто не вѣдалъ
Глубокихъ тайнъ моихъ страстей,
И никому я права нè далъ
Заплакать на груди моей.

Любви прекраснымъ упованьямъ
Разсудкомъ положа предѣлъ,
Страдая самъ, твоимъ страданьямъ
Я отозваться не хотѣлъ.

Искалъ я счастья, но повѣрить
Не смѣлъ я счастью своему;
Мнѣ было легче лицемѣрить,
Чѣмъ вѣрить сердцу твоему.

И въ часъ прощальнаго привѣта,
Сгорѣвъ подавленнымъ огнемъ,
Другъ другу вѣчнаго обѣта
Мы легковѣрно не даемъ.

Быть можетъ, грустное мечтанье!
На скользкомъ жизненномъ пути,
Въ часъ равнодушнаго свиданья,
Мы вспомнимъ грустное: «прости!»

Тогда мы улыбнемся оба,
Другъ другу отдадимъ поклонъ —
И вновь простимся, чтобъ до гроба
Насъ не тревожилъ счастья сонъ.

ПОСЛѢДНІЙ РАЗГОВОРЪ.

Соловей поетъ въ затишьѣ сада;
Огоньки потухли за прудомъ;
Ночь тиха. Ты можетъ-быть не рада,
Что съ тобой остался я вдвоемъ?

Я бъ и самъ желалъ съ тобой разстаться;
Да мнѣ жаль покинуть ту скамью,
Гдѣ мечтамъ ты любишь предаваться
И внимать ночному соловью.

Не смущайся! Ни о томъ, что было,
Ни о томъ, какъ могъ бы я любить,
Ни о томъ, какъ это сердце ныло —
Я съ тобой не стану говорить.

Рѣчь моя волнуетъ и тревожитъ...
Веселѣе соловью внимать,
Оттого, что соловей не можетъ
Заблуждаться и любя страдать...

Но и онъ затихъ во мракѣ ночи,
Улетѣлъ, счастливецъ, на покой...
Пожелай и мнѣ спокойной ночи,
До пріятнаго свиданія съ тобой!

Пожелай мнѣ — ночи не замѣтить
И другимъ очнуться въ небесахъ,
Гдѣ бъ я могъ тебя достойно встрѣтить
Съ соловьиной пѣснію въ устахъ!

МАСКА.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Празднымъ взоромъ скользя безъ вниманья,
Злою скукой томимый давно,
У колоннъ встрѣтилъ я домино.

Протянувъ свою ручку-малютку,
Она сжала мою не на шутку;
На лицѣ моемъ жаръ заигралъ,
Но я милой моей не узналъ.

Изъ-подъ шелковой розовой маски,
Какъ двѣ звѣздочки, теплились глазки,
И на мнѣ остановленный взоръ
Выражалъ и любовь и укоръ.

Наконецъ она тихо сказала:
«Я давно, я вездѣ васъ искала!»
Измѣнилъ рѣчи трепетный звукъ,
Я узналъ трепетъ милыхъ мнѣ рукъ.

О, во имя любви простодушной,
Не снимай этой маски бездушной!
Я боюсь, другъ мой милый, любя,
Въ этотъ мигъ я боюсь за тебя.

Въ пестротѣ, въ многолюдствѣ собранья,
Пусть пройдетъ клевета безъ вниманья;
И любви откровенной слова
Не подслушаетъ злая молва!

ДУБОКЪ.

Тихо проносится ночь благовонная;
Міръ, внемля Богу, молчитъ...
Въ рощѣ одной лишь осинка безсонная,
Листья колебля, шумитъ.

Къ ней прислоня свои вѣтви тяжелыя,
Дремлетъ дубокъ молодой.
Видитъ онъ сны не совсѣмъ-то веселые,
Возлѣ подруги ночной.

«Спи! ему шепчетъ осинка тревожная:
«Спи, мой дубокъ молодой!
«Бури опасны, но я, осторожная,
«Буду беречь твой покой!»

«Снились мнѣ бури, нашъ край посѣтившія,
Молвилъ дубокъ молодой:
«Снилось мнѣ, будто деревья подгнившія
«Сломаны бурей ночной...

«Снилось, подъ бурями выросъ высо́ко я —
«Выше столѣтнихъ дубовъ;
«Видѣлъ свободно я небо далекое,
«Блескъ заревыхъ облаковъ...

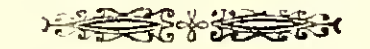
«Видѣлъ, какъ на небѣ тихо сплетаются
«Звѣзды въ узоръ золотой —
«И говорятъ, что онѣ загораются
«Съ тѣмъ, чтобъ беречь мой покой!»

Такъ говорилъ онъ; но, вновь засыпающій,
Словно задумался онъ...
Листьевъ осиновыхъ шопотъ ласкающій
Вновь погрузилъ его въ сонъ.

* * *

Посмотри — какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой,
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

НОЧЬ
ВЪ ГОРАХЪ ШОТЛАНДІИ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Ужь ночь остыла;
Въ холодный,
Серебряный блескъ
Потонули вершины
Громадныхъ,
Синѣющихъ горъ.

И тихо и ясно —
И слышно, какъ съ гуломъ
Катится въ бездну
Оторванный камень;
И видно, какъ ходитъ,

Подъ облаками,
На отдаленномъ
Голомъ утесѣ,
Дикій козленокъ.

Спишь ли ты, братъ мой?
Гуще и гуще
Становится цвѣтъ полунóчнаго неба;
Ярче и ярче
Горятъ планеты —
Грозно
Сверкаетъ во мракѣ
Мечъ Оріона.

Встань, братъ!
Изъ зàмка
Невидимой лютни
Воздушное пѣнье
Принесъ и унесъ свѣжій вѣтеръ...
Встань, братъ!
Отвѣтный,
Пронзительно-рѣзкій
Звукъ мѣднаго рога
Трижды въ горахъ раздавался,
И трижды
Орлы просыпались на гнѣздахъ.

ВЕЧЕРЪ.

Зари догорающей пламя
Разсыпало по небу искры;
Сквозитъ лучезарное море;
Затихъ по дорогѣ прибрежной
Бубенчиковъ говоръ нестройный;
Погонщиковъ звонкая пѣсня
Въ дремучемъ лѣсу затерялась;
Въ прозрачномъ туманѣ мелькнула
И скрылась крикливая чайка;
Качается бѣлая пѣна
У сѣраго камня, какъ въ люлькѣ
Заснувшій ребенокъ; какъ перлы,
Росы освѣжительной капли
Повисли на листьяхъ каштана —
И въ каждой росинкѣ трепещетъ
Зари догорающей пламя.

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

О, благодатная, святая влага!
Со всѣхъ сторонъ,
Съ востока солнца до заката солнца,
Объемля міръ,
Изъ облаковъ на жаждущія нивы
Не ты-ль дождемъ
Серебрянымъ, при звукахъ грома,
Шумишь — какъ духъ,
Когда по воздуху, очамъ незримый,
Несется онъ,
По сторонамъ разбрасывая складки
Своихъ одеждъ!

О, благодатная, святая влага!
Изъ нѣдръ земныхъ
Тебя сосетъ змѣеобразный корень;
Тобой живутъ

И рисъ, и тернъ, и виноградъ, и фига;
Не ты ль поишь
Усталаго среди степей верблюда —
И въ знойный день
Онъ весело бѣжитъ, напрягши силы,
Когда вдали
Заслышитъ тихое, подъ дикимъ камнемъ,
Журчанье струй!

Земля сгоритъ, и лопнетъ камень,
И упадутъ
На рубежахъ поставленыя горы...
Лишь ты одна
Кипящими зальешь волнами
Развалины —
Пылающаго міра, и густой,
Горячій дымъ—
Прокатится, гонимый вѣтромъ,
Изъ края въ край.

О, благодатная, святая влага!
Обмой меня —
И освѣжи меня, и напой
Того, кто жаждетъ!

ДОРОГА.

Глухая степь. Дорога далекà!
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле;
Вдали туманъ. Мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.

Кàкъ кони не бѣгутъ, мнѣ кажется лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и тожъ,
Все степь да степь, за нивой снова нива...
Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?

И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
«Про черный день мы пѣсню бережёмъ!»

—Чему жъ ты радъ? — «Недалеко до хаты —
«Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ.»

Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей.
А я усталъ — покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.

Ну, ну, живѣй! Долга моя дорога!
Сырая ночь — ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ... Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!

ЛѢСЪ.

Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я въ міръ призрачныхъ чудесъ,
Безпечнымъ отрокомъ зашелъ я въ темный лѣсъ,
И самого себя я спрашивалъ, зачѣмъ
Въ прохладѣ спящій лѣсъ такъ пасмуренъ и нѣмъ?
Вдругъ свѣжіе листы деревъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ будто бабочекъ зеленыхъ милліонъ,
Дрожа, задвигались; ихъ вѣтеръ всколыхалъ...
По шепчущимъ листамъ шумъ смутный пробѣжалъ—
И оглянулся я, встревоженный моимъ
Воображеніемъ, пугливымъ и живымъ....
—«Не бойся!» услыхалъ я въ шопотѣ листовъ:
«Чудеснаго не жди въ тѣни моихъ кустовъ!
«Русалка никогда, подъ купою березъ,
«Не выжимала здѣсь своихъ зеленыхъ косъ;

«И никогда, въ тѣни моихъ родныхъ дубовъ,
«Не встрѣтишь ты лѣсныхъ уродливыхъ духовъ;
«Но слушай, слушай ты, что я тебѣ шепну!
«Ты можешь встрѣтить здѣсь красавицу одну —
«Одну красавицу изъ ближняго села...
«Она свѣжа, какъ май, какъ юноша, смѣла.
«Въ тотъ часъ, когда лѣса, въ изнеможеньѣ силъ,
«Росу глотая, ждутъ полуночныхъ свѣтилъ,
«Иль, утонувъ во мглѣ трепещущихъ вѣтвей,
«Начнетъ рыдать и пѣть вечерній соловей,
«Она садится здѣсь на край гнилаго пня,
«Къ ладони жаркую головку приклоня;
«Она садится здѣсь, печальна и одна,
«Въ неодолимыя мечты погружена,
«И долго слушаетъ, какъ соловей гремитъ —
«И не по твоему желаетъ и грустить.
«Но не спѣши, дитя, бѣжать на встрѣчу къ ней!...
«Всѣхъ сказочныхъ чудесъ—повѣрь! — она страшнѣй;
«И можетъ быть—увы!» шепталъ мнѣ лѣсъ густой:
«Ты отъ меня уйдешь съ мучительной тоской,
«И для души твоей прійдетъ пора чудесъ —
«Пора такихъ чудесъ, какихъ не знаетъ лѣсъ!»

* * *

Жизнь движется впередъ походкою неровной;
Ея намѣренья ужели ты постигъ!
Чтобъ высказать себя, жизнь ловитъ мигъ условный;
Ужели отъ тебя зависитъ этотъ мигъ?
Жизнь, терпѣливая, привыкла къ испытаньямъ —
Не вѣдаетъ конца и не спѣшитъ къ концу.
Поэтъ! Не вѣрь ея тоскливымъ ожиданьямъ,
И вѣрь съ трудомъ ея веселому лицу.

М. А. С—вой.

Гдѣ-бъ ни былъ стихъ, рожденный мной,
Записанъ вѣрною рукой —
Въ стѣнахъ ли города, гдѣ шумъ
Толпы смущалъ мой бѣдный умъ,
Или въ задумчивой тиши
Невозмутимыхъ вечеровъ,
Подобно шороху листовъ,
Ему не высказать души
Тому, кто сердцемъ не готовъ
Страданье понимать безъ словъ.

Спроси: о чемъ шумитъ потокъ,
Иль шепчетъ полевой цвѣтокъ,
Въ теплѣ полуденныхъ лучей,
Легко послушный вѣтерку,
Припавъ головкою своей

Къ другому нѣжному цвѣтку!
Спроси: о чемъ такъ тяжко громъ
Гремитъ изъ тучъ, затмившихъ свѣтъ,
А лѣсъ, охваченный дождемъ,
О чемъ шумитъ ему въ отвѣтъ?...
Природа громко говоритъ
Понятное простымъ сердцамъ;
Но расказать не можетъ намъ
Всего, что грудь ея таитъ,
Всего, что слышитъ лишь пророкъ
И понимаетъ, какъ намёкъ,
Намёкъ на то, что въ глубинѣ
Немногихъ душъ лежитъ на днѣ.
        Такъ — пусть звучитъ передъ тобой
Мой стихъ загадочно-простой,
Всѣмъ слышный, но не всѣмъ родной:
Авось, когда пройдутъ года —
И я заглохну гдѣ нибудь,
Когда прійдетъ твоя чреда
И оглянуться, и вздохнуть,
Припомнишь ты не безъ труда,
Среди знакомыхъ лицъ, того,
Кого ты знала, и кого
Ты не узнаешь никогда...

БРЕДЪ.

Твой свѣтлый ликъ вчера являлся мнѣ
Въ какомъ-то странномъ полуснѣ.
Ты на меня смотрѣла съ состраданьемъ,
Какъ-будто передъ разставаньемъ.

Лаская слухъ, звучалъ мнѣ голосъ твой:
«Не умирай, о милый мой!
«Не уноси съ собой въ предѣлъ безплотныхъ
«Земли страданій мимолётныхъ!

«Еще не все извѣдано тобой,
«Подъ этимъ солнцемъ и луной.

«Ты погибалъ, въ холодной тьмѣ блуждая —
«Блуждалъ, любви моей не зная.

«Дай сердце мнѣ! Его я сберегу;
«Здѣсь на землѣ я все могу...
«Но не могу любви могучимъ словомъ
«Тебя утѣшить въ мірѣ новомъ.

«Пріиди ко мнѣ! Склонись на грудь мою!
«Узнай, какъ я тебя люблю!...»
И въ полуснѣ, твоимъ рѣчамъ внимая,
Я плакалъ, недоумѣвая...

Какъ счастія земнаго сонъ живой,
Ты, вся любовь, была со мной,
И нѣжныя твои лобзалъ я руки —
И трепеталъ, боясь разлуки...

1853.

ПЕРВЫЕ ШАГИ.

За чѣмъ покинулъ я въ долинѣ домъ родной
И рощи свѣжія, шумящія ручьями?
«Не унывай, мой сынъ! За этими скалами,
«Предъ нами ляжетъ путь широкій и прямой.»
— Отецъ, отецъ! Пусти меня домой!
Мнѣ страшно здѣсь, — какой-то гулъ невнятный..
«То море за горой насъ чуетъ и шумитъ,
«Надеждой манитъ вдаль — и бурями грозитъ.»

Идемъ! Душа полна тревоги непонятной...
Такъ вотъ оно, безбрежье вѣчныхъ водъ!
Прекрасно-гнѣвное, оно меня зоветъ.
Въ сердитомъ плескѣ волнъ, отброшенныхъ скалами,
Я слышу голосъ, грозно нами
Повелѣвающій — и содрогаюсь я,
И на корабль, какъ робкое дитя,
Всхожу послушными шагами.

Къ ***.

Кто по неволѣ оторвалъ
Отъ сердца, съ болью нестерпимой,
Любимыхъ думъ предметъ любимый;
Кто постепенно разрушалъ
Свои святыя убѣжденья
И, какъ ночное привидѣнье,
На ихъ развалинахъ стоналъ —
Пускай надменно презирать,
Негодовать и отрицать
Онъ грустнымъ пользуется правомъ!
Онъ дорого его купилъ:
Цѣною напряженныхъ силъ,
Тщетой труда въ поту кровавомъ.
И пусть ему съ тоской въ очахъ
Внимаетъ молодое племя!

Быть-можетъ въ злыхъ его рѣчахъ
Таится благъ грядущихъ сѣмя

А ты, что видѣлъ жизнь во снѣ
И не насытился вполнѣ,
И не страдалъ святымъ страданьемъ!
Не потому ли осмѣять
Ты радъ любовь, святыню нашу,
Что самъ не въ силахъ приподнять
И смѣло выпить эту чашу?
Повѣрь — затерянный въ толпѣ,
Ты скоро наконецъ судьбѣ
Протянешь руку; постепенно,
Въ тревогѣ мелочныхъ заботъ,
Твой голосъ дерзскій и надмѣнный
Неповторяемо замрётъ!

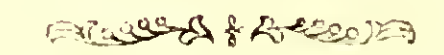
НОЧЬ.

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь —
Такъ люблю, что, страдая, любуюсь тобой!
И за что я люблю тебя, тихая ночь —
Ты не мнѣ, ты другимъ посылаешь покой!...

Что мнѣ звѣзды, луна, небосклонъ, облака,
Этотъ свѣтъ, что, скользя на холодный гранитъ,
Превращаетъ въ алмазы росинки цвѣтка —
И какъ путь золотой черезъ море бѣжитъ!
Ночь! За что мнѣ любить твой серебряный свѣтъ?
Усладитъ-ли онъ горечь скрываемыхъ слезъ?
Дастъ-ли жадному сердцу желанный отвѣтъ?
Разрѣшитъ-ли сомнѣнья тяжелый вопросъ?

Что мнѣ сумракъ холмовъ, трепетъ сонныхъ листовъ,
Моря темнаго вѣчно-шумящій прибой,
Голоса насѣкомыхъ во мракѣ садовъ,
Гармоническій говоръ струи ключевой!
Ночь! За что мнѣ любить твой таинственный шумъ!
Освѣжитъ-ли онъ знойную бездну души —
Заглушитъ-ли онъ бурю мятежную думъ —
Все, что жарче въ потьмахъ и слышнѣе въ тиши!

Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь,
Такъ люблю, что страдая, любуюсь, тобой!
Самъ не знаю, за что я люблю тебя, ночь...
Оттого можетъ-быть, что далекъ мой покой.

НИЩІЙ.

Знавалъ я нищаго: какъ тѣнь,
Съ утра, бывало, цѣлый день
Старикъ подъ окнами бродилъ
И подаянія просилъ;
Но все, что въ день ни собиралъ,
Бывало, къ ночи раздавалъ
Больнымъ, калѣкамъ и слѣпцамъ —
Такимъ же нищимъ, какъ и самъ.
Въ нашъ вѣкъ таковъ иной поэтъ:
Утративъ вѣру юныхъ лѣтъ,
Какъ нищій старецъ изнурёнъ,
Духовной пищи проситъ онъ;
И все, что жизнь ему ни шлетъ,
Онъ съ благодарностью беретъ,
И душу дѣлитъ пополамъ
Съ такими жъ нищими, какъ самъ.

НА МОГИЛѢ.

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; забытая могила,
Вчера зарытая, травою поростетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ, давно остылый,
Могущественный дубъ корнями обовьетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою;
Подъ тѣнь его любовники прійдутъ —
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрятъ въ даль, поникнутъ головою
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

* * *

Священный благовѣстъ торжественно звучитъ,
Во храмахъ фиміамъ, во храмахъ пѣснопѣнье;
Молиться я хочу; но тяжкое сомнѣнье
Святые помыслы души моей мрачитъ.
И вѣрю я, и вновь не смѣю вѣрить;
Боюсь довѣриться чарующей мечтѣ—
Передъ самимъ собой боюсь я лицемѣрить;
Разсудокъ бѣдный мой блуждаетъ въ пустотѣ...
И эту пустоту ни что не озаряетъ:
Дыханьемъ бурь мой светочь погашенъ,
Бездонный мракъ на вопль не отвѣчаетъ...
А жизнь — жизнь тянется, какъ непонятный сонъ...
Но будетъ свѣтлый мигъ; ударитъ громъ въ пустынѣ,
И молнія свѣтильникъ мой зажжетъ,
И гордое чело поклонится святынѣ—
И правду вѣчную духъ вѣчный обрѣтетъ!

1843.

* * *

Вчера за васъ погибъ онъ на дуэли.
Утѣшьтесь! Для чего напрасно слезы лить?
Иль думаете вы, что могъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Съ такимъ безуміемъ, такъ слѣпо васъ любить?
О, нѣтъ! Повѣрьте мнѣ — отъ васъ, отъ злаго свѣта,
Онъ радъ былъ убѣжать скорѣй куда-нибудь,
Иль въ десяти шагахъ на выстрѣлъ пистолета
Надмѣнно выставить озлобленную грудь.
Онъ клялся вамъ — какъ будто невозможно
Отъ скуки на себя съ расчетомъ клеветать?
И жизнь, когда она казалась такъ ничтожна,
Что стòило ему за васъ ее отдать?

ПОДРАЖАНІЕ КОРАНУ.

Скажи строптивымъ, малодушнымъ,
Коварно-злымъ и непослушнымъ,
Что въ неразуміи своемъ
Меня слѣпцы лишь не находятъ,
И не идутъ прямымъ путемъ,
А ощупью въ потемкахъ бродятъ.

Не спрячутъ ихъ запоры башенъ!
Вездѣ найдетъ ихъ Азраилъ —
Прійдетъ незванный, блѣденъ, страшенъ,
И изо всѣхъ ударитъ силъ...

И вздрогнутъ каменныя стѣны,
И подогнутся ихъ колѣны.

Пророкъ! напомни маловѣрнымъ,
Что я прійду нелицемѣрнымъ
Судомъ судить — и будетъ течь
Рѣка огня въ тотъ день, и будутъ
Ихъ на цѣпяхъ желѣзныхъ жечь...
Напомни имъ — да не забудутъ!

УТРО.

Вверхъ по недоступнымъ
Крутизнамъ встающихъ
Горъ туманъ восходитъ
Изъ долинъ цвѣтущихъ;
      Онъ, какъ дымъ, уходитъ
Въ небеса родныя,
Въ облака свиваясь
Ярко-золотыя, —
И разсѣеваясь.
      Лучь зари съ лазурью
На волнахъ трепещетъ;
На востокѣ солнце

Разгараясь блещетъ...
И сіяетъ утро,
Утро молодое...
Ты ли это, небо
Хмурое, ночное?
Ни единой тучки
На лазурномъ небѣ...
Ни единой мысли
О насущномъ хлѣбѣ...
О, въ отвѣтъ природѣ,
Улыбнись, отъ вѣка
Обреченный скорби
Геній человѣка!
Улыбнись природѣ,
Вѣрь знаменованью!
Нѣтъ конца стремленью —
Есть конецъ страданью.

1845.

ПОСЛѢДНІЙ ВЫВОДЪ.

(Посвящается А. Нов...ву.)

Первоначальныхъ лѣтъ неясныя стремленья,
И все, чему найдти не могъ я выраженья;
Безумной юности неосторожный пылъ,
И все, чѣмъ сердце я на вѣки отравилъ;
Возвышенныхъ надеждъ несбыточныя грёзы,
И та дѣйствительность, къ которой я привыкъ;
Смѣшнымъ невѣріемъ осмѣянныя слёзы,
И внутренней борьбы ни кѣмъ не слышный крикъ;
Всѣ прежнія мечты, всѣ страсти, всѣ желанья,
Все равнодушіе къ тому, чего ужъ нѣтъ, —
Всё вмѣстѣ, какъ одно все цѣлое страданье,
Могло бъ въ сердцахъ людей найдти себѣ отвѣтъ...
Но я не жду его, я не прошу отвѣта;
И все, что скажутъ мнѣ, я знаю напередъ:
«Мы такъ же, какъ и ты, похожи на Гамлета;
«Ты такъ же, какъ и мы, немножко Донъ-Кихотъ.»

1853.

ПРИМАДОННѢ.

О, пой, Примадонна!
Авось вдохновенье
Твое освѣжитъ насъ
Хотя на мгновенье;
Напомнитъ минуты
Отрады случайной —
Минуты, для свѣта
Покрытыя тайной.
Въ тяжелое время
Всеобщаго торга,
Такъ рѣдки, такъ сладки
Волненья восторга!

О, пой, Примадонна!
Толпа рукоплещетъ;
Ожившее сердце
Пугливо трепещетъ...

И мнится: близь рая,
У замкнутой двери,
Поетъ безнадежно
Заблудшая пери;
А демонъ изъ бездны,
Напѣву внимая,
Гремя рукоплещетъ
Изгнанницѣ рая.

1852

* * *

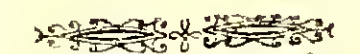
О, подними свое чело!
Не вѣрь тяжелымъ сновидѣньямъ;
Не предавайся сожалѣньямъ
О томъ, что было и прошло,
О томъ, что спитъ въ сырыхъ могилахъ,
Чего мы воротить не въ силахъ.

За чѣмъ такъ рано погребать
Невозмужалыя надежды,
И съ простодушіемъ невѣжды
Во всеуслышанье роптать?
Чтобъ жизнь была тебѣ понятна —
Иди впередъ и невозвратно.

Не бойся душу предавать
Потоку чувствъ и мыслей новыхъ,
Своимъ стремленіемъ готовыхъ

Тебя невольно увлекать —
Туда, гдѣ впереди такъ много
Сокровищъ спрятано у Бога!

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей —
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо-зовущій.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

На скамьѣ, въ тѣни прозрачной
Тихо-шепчущихъ листовъ,
Я всю ночь готовъ, какъ сторожъ,
Просидѣть до пѣтуховъ.
Далеко мелькаютъ звѣзды,
Облака озарены,
И дрожа тихонько льется
Свѣтъ волшебный отъ луны.
Жизни лучшія мгновенья,
Сердца жаркія мечты,
Роковыя впечатлѣнья
Зла, добра и красоты;
Все, что близко, что далеко,
Все, что грустно и смѣшно,

Все, что спитъ въ душѣ глубоко —
Въ этотъ мигъ озарено.

Отчего-жъ былаго счастья
Мнѣ теперь ни чуть не жаль?
Отчего былая радость
Безотрадна, какъ печаль?
Отчего печаль былая
Такъ свѣжа и такъ ярка?...
Непонятное блаженство!
Непонятная тоска!

ВЕСТАЛКА.

(Посвѣщается Н. Ѳ. Щербинѣ.)

«Вставай, Секстилія! Пора! На этотъ разъ,
«Готовъ ли факелъ твой?» Но, сердцемъ изнывая,
Не спитъ во тмѣ ночной Весталка молодая,
Увы! ночникъ ея погасъ...

Безъ факела идетъ Секстилія во храмъ.
Какъ жрица Весты, тамъ она огонь священный
Должна блюсти; таковъ обычай неизмѣнный,
Угодный царственнымъ богамъ.

Вотъ древній жертвенникъ. Таинственный огонь
Горитъ. Лучи, дрожа, скользятъ на мраморъ млечный —
На неподвижный ликъ, на грудь богини вѣчной
И на простертую ладонь.

Приблизившись къ огню, Секстилія жезломъ
Пошевелила пламя; возлѣ пьедестала,
Облокотилась — и, откинувъ покрывало,
Поникла на руку челомъ.

Стоитъ... И снится ей Полибій молодой...
Не онъ ли, въ Колизей спѣша, въ плащѣ зеленомъ,
За колесницею летитъ, на запыленномъ
Конѣ, по звонкой мостовой?

Подъ мѣдной каскою, въ одеждѣ боевой,
По тѣснымъ площадямъ, неопытный, но смѣлый,
Не онъ ли, издали, какъ тѣнь, слѣдитъ за бѣлой
Одеждой съ пу̀рпурной каймой?

И тамъ, гдѣ мутный Тибръ изъ–за публичныхъ бань
Бѣжитъ въ сады, пріютъ статуй уединенныхъ —
Сатировъ съ нимфами и грацій обнаженныхъ,
И гдѣ, какъ трепетную лань,

Ее вчера смутилъ знакомый шумъ шаговъ,
Гдѣ поняла она все, все — мольбы, желанья,
Любви прощальный вздохъ, съ надеждой на свиданье,
И горькій ропотъ на боговъ —

Ей снится блѣдный ликъ и томные глаза,
Одушевленные мучительною страстью...

Кто можетъ изъ владыкъ земныхъ, вѣнчанныхъ властью,
Сказать грозѣ: «Молчи, гроза!»

И вспомнила она младенческіе дни —
Тѣ дни, когда отецъ и мать, убравъ цвѣтами,
Къ подножью Весты, съ громкими мольбами,
Ее на жертву привели.

— На жертву!... Для чего?... И вотъ, ея глаза
Изъ подъ густыхъ рѣсницъ блеснули небывалымъ
Огнемъ, стѣснилась грудь, и по ланитамъ впалымъ
Сбѣжала знойная слеза...

И отступя на шагъ, надъ юной головой
Скрестя прекрасныя, до плечъ нагія руки,
Со всѣми знаками невыносимой муки,
То упрекая, то съ мольбой —

Какъ Пиѳія, въ бреду Весталка говоритъ:
«Богиня! для чего беречь мнѣ этотъ пламень?
«Ты холодна; но я — не ты, не мертвый камень,
«Въ которомъ кровь не закипитъ!

«Ты видишь — я больна... Во снѣ и на яву,
«Я брежу имъ! Гляди, какъ сами плачутъ очи!
«Подслушай лепетъ мой, когда на ложе ночи
«Я мысленно его зову!

«Скажи мнѣ: кто зажегъ огонь въ моей груди,
«И отчего мнѣ тяжко это покрывало?
«Сойди, безсмертная богиня, съ пьедестала —
«И сердце смертной остуди!

«Тебѣ я отдала мои младые дни...
«Иль жертва страшная чудесъ твоихъ не стоитъ!
«Такъ — если знаешь ты, какъ это сердце ноетъ,
«Надмѣнная! пошевельни —

«Надъ этимъ алтаремъ простертою рукой...
«Одною складкой мраморной одежды ..
«Пускай со страхомъ, но не безъ надежды,
«Я ницъ паду передъ тобой!

«Увы! суровъ твой ликъ; десница тяжела;
«Твои глаза глядятъ, лучей не отражая...
«Рыдаю — ты мертва! Тебя не согрѣвая,
«Горитъ пахучая смола!

«Но не къ одной тебѣ я шлю мои мольбы...
«Богини вѣчнаго Олимпа, къ вамъ взываю!
«Скажите — именемъ судьбы я заклинаю —
«Какъ устоять противъ судьбы?

«Чѣмъ можетъ смертная умѣрить злую страсть,
«Тогда какъ сами вы ея очарованью

«Готовы уступить, и жадному лобзанью
«Вполнѣ отдать себя во власть?

«Однихъ ли вы боговъ ласкали на груди?
«Иль мало вамъ небесъ! Иль мало вамъ сознанья,
«Что ваша молодость вѣчна̀ безъ увяданья,
«Что нѣтъ вамъ смерти впереди!

«А мнѣ!... Мнѣ все грозитъ съ утратой лучшихъ лѣтъ;
«И сѣдина, и гробъ... Что хуже этой казни!
«И я — я не должна подумать безъ боязни —
«Нарушить тягостный обѣтъ!

«О ненавистная, о рабская боязнь!
«Долой покровъ! Я рву его на части...
«Потухни, жертвенникъ, какъ это пламя страсти —
«Потушитъ завтрашняя казнь!»

И жертвенникъ потухъ...

1849.

ВЗЯТІЕ МЕМФИСА.

На стогнахъ Мѐмфиса неистовые крики —
И стонъ, и горькій плачъ. Поруганный алтарь
Въ крови боговъ дымится; блѣдны лики
Жрецовъ. Ужасенъ мечъ персидскаго владыки —
Въ плѣну, въ цѣпяхъ мемфискій царь!

Онъ смотритъ изъ окна тюрьмы, въ толпѣ рабовъ
Распознавая дочерей несчастныхъ,
И благородныхъ женъ властительныхъ жрецовъ...
Никто не слышитъ жалобъ ихъ напрасныхъ!
И видитъ онъ свою возлюбленную дочь:
Блѣдна, окружена безстыдною толпою,
На молодомъ плечѣ несетъ ведро съ водою —

И ей нести его не-вмочь.
Но царь молчитъ въ унынiи глубокомъ —
И зорко плѣннику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ;
И ждетъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули потокомъ —
Но ни одна его не радуетъ слеза...

И видитъ плѣнный царь изъ тѣснаго угла
Своей тюрьмы: двѣ тысячи рядами
Отборныхъ юношей, опутанныхъ цѣпями
И взнузданныхъ въ стальныя удила,
Ведутъ на злую казнь — и въ вопляхъ, заглушенныхъ
Бряцаньемъ ихъ цѣпей, онъ вопли матерей
Распознаетъ, и видитъ обреченныхъ
На жертву милыхъ сыновей...
Но царь молчитъ въ унынiи глубокомъ —
И зорко плѣннику въ глаза
Глядитъ Камбизъ лукавымъ окомъ;
И ждетъ онъ царскихъ слезъ, чтобъ хлынули потокомъ —
И не одна его не радуетъ слеза...

Но вотъ къ окну тюрьмы, съ поникшей головой,
Подходитъ старецъ, тощiй, блѣдный,
Изнеможенный, съ нищенской сумой...
Онъ проситъ подаянья — старецъ бѣдный!
На шеѣ у него желѣзное кольцо;

Къ кольцу привязана веревка роковая...
И вскрикнулъ плѣнный царь, внезапно орошая
Слезами блѣдное лицо...

И плѣнника, съ невольнымъ изумленьемъ,
Спросилъ Камбизъ, свой грозный ликъ
Смягчивъ минутнымъ выраженьемъ
Улыбки, смѣшанной съ какимъ-то сожалѣньемъ:
«Кто этотъ въ рубищѣ старикъ?»

И плѣнный царь тогда ему проговорилъ:
«Камбизъ! Для собственныхъ несчастій
«Въ душѣ я горькихъ слезъ довольно накопилъ;
«И радуюсь, что ты надъ ними власти
«Имѣть не можешь; но не о себѣ, о немъ
«Я плачу — бѣдняка оплакиваю долю...
«Увы! Онъ лучше насъ; онъ былъ моимъ рабомъ —
«И дружбой мнѣ платилъ за вѣчную неволю!»

1845.

ФАКИРЪ.

I.

Въ рощѣ, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ подъ коры,
Ключь, журча, струился чистый
Изъ-подъ каменной горы.
То, мелькая за кустами,
Разливался онъ, то вдругъ
Падалъ звучными струями,
Разсыпаясь, какъ жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горѣ,
Погружать свои кувшины,
Умываться на зарѣ,

Жены смуглыя толпами
Не спѣша къ потоку шли,
Пѣли гимны, и перстами
Косы длинныя плели.

И зеленые платаны,
Окружа гранитный храмъ,
Гдѣ сидѣли истуканы
Въ темныхъ нишахъ по стѣнамъ,
Надъ потокомъ простирали
Листьевъ зыблемый покровъ,
И отъ солнца тѣнь бросали
На задумчивыхъ жрецовъ.

Дѣти солнечнаго края,
Почитатели Вишнỳ,
Тотъ потокъ — «потокомъ рая»
Величая въ старину,
Разглашали, будто духи
Эту воду стерегли...
И носились эти слухи
Отъ Калькуты, до Бенглй.

Говорили на востокѣ:
Будто въ ночь, когда роса
Станетъ капать, въ томъ потокѣ
Слышны чьи-то голоса;

Что невидимыя руки,
Подъ волнами при звѣздахъ,
Издаютъ глухіе звуки
На невѣдомыхъ струнахъ...

Караванъ ли шелъ съ товаромъ —
Сотня тамъ ручныхъ слоновъ
Въ камышахъ паслась не даромъ,
Близь священныхъ береговъ...
И не даромъ изъ окольныхъ
Странъ въ ту рощу за водой
Шло такъ много богомольныхъ,
Строгихъ Индусовъ толпой.

И съ неутоленной жаждой
На запекшихся устахъ,
Изъ числа пришельцевъ каждый,
Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ —
Къ нимъ, израненный жестоко,
На колѣнахъ подползалъ,
И въ святыхъ волнахъ потока
Исцѣленья ожидалъ.

«Страшно, страшно покаянье!»
Пѣлъ унылый хоръ жрецовъ:
«Нужно самоистязанье,
«Постъ, молитва, потъ и кровь!

«Жизнь есть вѣчное броженье,
«Сонъ роскошный, но пустой;
«Вѣчность есть уничтоженье,
«Смерть — таинственный покой.
«Бѣдный смертный, наслаждайся,
«Иль, страдая до конца,
«Самъ собой уничтожайся
«Въ лонѣ вѣчнаго отца!»

II.

И на камнѣ, близь потока,
Чтобъ стоять и ночь и день,
Вознеслася одиноко
Человѣческая тѣнь...
Вѣрный страшному обѣту,
Для Брамы покинувъ міръ,
Тамъ какъ тѣнь, чужая свѣту,
Девять лѣтъ стоялъ факиръ.
Солнце жгло его нагія
Плечи — и, шумя въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ...

Но рука его не смѣла
Шевельнуться на груди,

Глубоко врѣзая въ тѣло
Ногти длинные свои;
А другая поднимала
Пальцы кверху и, какъ трость,
Протянувшись, высыхала
Кожей стянутая кость.

Старики его кормили,
Даже дѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ нажатаго плода.
На него садилась птица;
Говорили про него:
Шла голодная тигрица
И не тронула его.

Тамъ кричала обезьяна,
И, къ лицу его склонясь,
Колыхала вѣтвь банана,
Длинной лапой уцѣпясь;
Листья весело шумѣли,
Звучно пѣнился потокъ...
Но глаза его глядѣли,
Не мигая, на востокъ.

Тѣ глаза глядѣли мутно...
Имъ мерещилось вдали,

Все, что было недоступно
Бѣднымъ странникамъ земли:
Тѣ лазурные чертоги,
Тѣ воздушные холмы,
Гдѣ, творя, витають боги
Въ лонѣ вѣчнаго Брамы.

Недоступное мелькало;
Все жъ, доступное очамъ,
Для него давно пропало:
И гора и лѣсъ и храмъ,
И священнаго потока
Волны — чудилось ему —
Въ немъ самомъ кипятъ глубоко,
Изъ него бѣгутъ къ нему...

III.

Передъ праздникомъ Лакчми *),
Въ полночь, за двѣнадцать дней,
Той порой, когда златыми
Миріадами лучей
Синій мракъ небесъ глубокихъ,
Какъ алмазами, горитъ,
Той порой, какъ спятъ пококи,

*) Или Лакшми — жены Вишну.

Горы спятъ и роща спитъ —
Тихо лунное сіянье
Почивало на горахъ;
Струй незримыхъ лепетанье
Раздавалося въ кустахъ...
Въ рощѣ глухо потемнѣвшей,
Слышно было, какъ порой
Отрывался перезрѣвшій
Плодъ отъ вѣтки самъ собой.

Вдругъ какъ будто самъ Равàна *),
На боговъ подъемля рать
Въ черныхъ тучахъ урагана
По горамъ пошелъ шагать...
По горамъ пошелъ — и съ трескомъ,
Камень сбросивши съ вершинъ,
Озарилъ румянымъ блескомъ
Серебро своихъ сѣдинъ.

На гнѣздѣ проснулась птица;
Эхо звонко разнеслось...
И какъ будто колесница
Прокатилась въ сто колёсъ...
Въ это время берегъ дикій,
На которомъ цѣпенѣлъ

*) Изъ великановъ, непріязненныхъ боговъ.

Этотъ праведникъ великій,
Содрогнулся и осѣлъ.

И страдалецъ добровольный,
Потрясенъ и пораженъ,
Кинулъ взглядъ вокругъ невольный,
На которомъ чудный сонъ
Тяготѣлъ, ему являя,
На краю ночныхъ небесъ,
Вѣчный день иного края,
Вѣчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ — голосъ томный
За горою говоритъ:
«На меня сей часъ огромный
«Съ высоты упалъ гранитъ.
«Онъ пресѣкъ мое стремленье,
«Онъ моимъ живымъ струямъ
«Далъ другое направленье,
«По излучистымъ горамъ...

«Ты душой стремишься къ Богу —
«Я по каменнымъ плитамъ
«Пролагалъ себѣ дорогу
«Къ свѣтлымъ Гангеса водамъ...
«Сжалься, праведникъ! Отнынѣ
«Я ползу, ползу, какъ змѣй,

«По гнилой болотной тинѣ,
«Подъ корнями камышей....

«Позови жь своихъ собратій,
«Позови своихъ сыновъ!...
«Позови!...» И голосъ томный
Оборвался, какъ струна,
И во мракѣ ночи сонной
Вновь настала тишина.

IV.

Утра пламень золотистой
Проникалъ изъ за горы
Въ рощу, гдѣ смолой душистой
Каплетъ сокъ изъ-подъ коры.
Птицы кротко щебетали,
И блестящіе листы
Капли жемчуга роняли
На траву и на плиты.

По дорогѣ шли брамины,
По горѣ толпами шли
Жены, дѣти, и кувшины
Руки смуглыя несли...
И потомъ они спускались
Къ тѣмъ священнымъ берегамъ,

Гдѣ платаны разростались,
Окружа гранитный храмъ.

Тамъ въ дверяхъ жрецы толпились
Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ,
И свѣтильники дымились
Въ ихъ опущенныхъ рукахъ...
Гдѣ вчера струи журчали,
Гдѣ святой лился потокъ —
Камни ребрами торчали
Да сырой желтѣлъ песокъ.

А на берегѣ потока,
Гдѣ такъ свято, ночь и день,
Возносилась одиноко
Человѣческая тѣнь —
Тѣло мертвое лежало,
Опрокинутое ницъ,
И кружась надъ нимъ летала
Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

1845.

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

«МАГОМЕТЪ».

Магометъ.

...Я вслушивался жадно
И въ разговоръ монаховъ Христіанскихъ,
И въ шумный споръ запальчивыхъ жидовъ,
И въ чудные разсказы Бедуиновъ.
Я двадцать лѣтъ молчалъ — и только слушалъ.
Ячмень въ одну весну и расцвѣтетъ
И отцвѣтетъ на плодоносной нивѣ;
Но много лѣтъ потребно для того,
Чтобъ выросла въ степи, на чахлой почвѣ,
Широколиственная пальма...

Такъ замысла великаго зерно
Медлительно росло и вкоренялось
У сердца моего на жаркой почвѣ!
Изъ Антіохіи однажды, помню, я
Велъ караванъ, и на песчаномъ морѣ
Меня засталъ крылатый ураганъ.
Онъ быстро, заслоняя солнце, двигалъ
Свои столбы. Зыбучаго песку
Сухія волны на меня катились,
И мой верблюдъ, зажмурившись невольно,
Сталъ утопать. Сопутниковъ моихъ
Неясныя вблизи мелькали тѣни.
Я имъ кричалъ; но буря заглушала,
Подобно тысячѣ низверженныхъ потоковъ,
Мои слова — и самъ я не слыхалъ
Моихъ призывныхъ криковъ. На колѣни,
Отъ ужаса загородивъ руками
Мое лицо, упалъ я — и молился,
И говорилъ: «Аллахъ, Аллахъ, помилуй!
«Клянусь твоимъ блистательнымъ престоломъ,
«Я разнесу твое святое имя
«По всей Аравіи.... Аллахъ, помилуй!»
Но въ этотъ мигъ песчаная гора
Обрушилась, и на моихъ плечахъ
Разсыпалась, и я окаменѣлъ.

Когда же я очнулся, надо мною
Уже вечернее сіяло солнце.
Вокругъ меня по прежнему мелькали
Товарищей сіяющія лица —
И двигался по степи караванъ,
И я лежалъ, качаясь, на верблюдѣ,
И горы бѣлыя верхушки поднимали
Изъ-подъ земли, и весело мнѣ было,
Что я воскресъ. Когда-же ночь пришла,
Остановились мы на отдыхъ у подошвы
Одной горы, и я пошелъ искать
Ключа, чтобъ напоить моихъ верблюдовъ.
Луна, какъ брачная лампада, надъ пустыней
Сіяла млечнымъ свѣтомъ. Мой кувшинъ
У ногъ моихъ поставилъ я на камень
И, прислонясь къ махровой пальмѣ, долго
Стоялъ и слушалъ. Мнѣ казалось, гдѣ то
Журчалъ источникъ. Долго я глядѣлъ,
Не замелькаетъ ли серебряная точка,
На мясяцѣ играющей воды;
И къ удивленью моему, въ пещерѣ,
У каменной подошвы двухъ утесовъ,
Я увидалъ — горитъ огонь. Проворно
Я взялъ кувшинъ, и смѣло побѣжалъ
Въ пещеру. И казалось мнѣ, что духи

Передо мной летѣли и кружились,
И на огонь протягивали руки...
И тамъ то въ первый разъ я увидалъ
Пустынника Габиба...
Онъ въ бѣлой мантіи стоялъ, читая
Развернутый пергаментовый списокъ;
Чугунная лампада озаряла
И свитокъ и рубцы его чела...
И молча, съ ногъ до головы объятый
Невольнымъ ужасомъ благоговѣнья,
Я созерцалъ таинственнаго старца.
«Ты Магометъ, изъ племени Гашèмъ!
«Я жду давно тебя!» сказалъ мнѣ старецъ...
И между-прочимъ говорилъ мнѣ: «Слушай!
«Я научу тебя премудрости великой;
«Великія тебѣ открою тайны
«Аллаха, чрезъ его пророковъ
«Открытыя народамъ. По лицу
«И по походкѣ ногъ твоихъ проворныхъ,
«Которыхъ каждый шагъ въ моей пещерѣ
«Былъ повторенъ гранитнымъ сводомъ,
«Я узнаю того, кто мнѣ обѣщанъ!»
Дрожа я сѣлъ, и сталъ вести бесѣду
Съ однимъ изъ тѣхъ премудрыхъ на землѣ,
Кто слышитъ тайную гармонію природы

И голоса привратниковъ небесныхъ,
Кто отдаленное очами осязаетъ
И по звѣздамъ читаетъ повѣсть міра.
Двѣ ночи я внималъ рѣчамъ Габиба;
И думали товарищи мои,
Что унесенъ я львицей, иль растерзанъ
Голоднымъ тигромъ, и рыдали горько...
Когда жъ увидѣли, что я иду
И на плечѣ несу кувшинъ съ водою —
Отъ радости не знали, что подумать,
И, какъ роднаго брата, обнимали...
И для меня съ тѣхъ поръ преобразился —
Роскошнѣй сталъ широкій Божій міръ,
На золотой цѣпи повѣшенное солнце
И прикрѣпленныя къ хрустальнымъ сводамъ
Горящія планеты...
И началъ я завидовать пророкамъ,
И сталъ просить пророческаго дара.
Тому прошло уже шесть лѣтъ;
И близокъ день, назначенный свиданью!
Премудрый ждетъ меня въ пустыняхъ Геры
Тамъ, гдѣ стоятъ утесы на утесахъ,
И упираются въ пылающее небо;
Гдѣ бьетъ вода изъ камня день и ночь
И никогда не сякнетъ — та вода,

Которую приноситъ ангелъ, въ видѣ
Громовыхъ тучъ, и поливаетъ горы.
Туда иду. Прощай, родная Мекка!
Я ворочусь не тѣмъ, чѣмъ вышелъ,
Иль никогда къ тебѣ не ворочусь...

1843.

ДЕАМЕЯ.

О, скажи мнѣ одно только: кѣмъ изъ боговъ
Ты была создана; кто провелъ эту бровь?
Кто зажегъ этотъ взглядъ? кто далъ волю кудрямъ
Такъ роскошно змѣиться по бѣлымъ плечамъ?

О, скажи, Деамея, тебѣ ли самой,
Иль тому божеству, что гордится тобой,
Какъ созданьемъ, я долженъ изъ мрамора храмъ
Вознести на холмѣ и возжечь ѳиміамъ?

1835.

* * *

Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ, мой милый! смотри —

Озеро свѣтитъ внизу, отражая сіянье зари;

Бѣлый тамъ нѣжится лебедь, въ объятьяхъ стихіи родной,

И не растанется съ ней, какъ и ты, другъ мой милый, со мной...

Сколько ты мнѣ ни толкуй, что родная стихія твоя —

Міръ, а не жаркое сердце, не грудь молодая моя!

1845.

* * *

Уже надъ ельникомъ, изъ-за вершинъ колючихъ,
Сіяло золото вечернихъ облаковъ,
Когда я рвалъ весломъ густую сѣть пловучихъ
Болотныхъ травъ и водяныхъ цвѣтовъ.

То окружая насъ, то снова разступаясь,
Сухими листьями шумѣли тростники;
И нашъ челнокъ шелъ, медленно качаясь,
Межъ тонкихъ береговъ излучистой рѣки.

Отъ праздной клеветы и злобы черни свѣтской
Въ тотъ вечеръ наконецъ мы были далеко;
И смѣло ты могла, съ довѣрчивостью дѣтской,
Себя высказывать свободно и легко.

И голосъ твой пророческій былъ сладокъ,
Такъ много въ немъ дрожало тайныхъ слезъ;

И мнѣ плѣнительнымъ казался безпорядокъ
Одежды траурной и свѣтлорусыхъ косъ.

Но грудь моя тоской невольною сжималась,
Я въ глубину глядѣлъ, гдѣ тысяча корней
Болотныхъ травъ невидимо сплеталась,
Подобно тысячѣ живыхъ, зеленыхъ змѣй.

И міръ иной мелькалъ передо мною,
Не тотъ прекрасный міръ, въ которомъ ты жила,
И жизнь казалась мнѣ суровой глубиною,
Съ поверхностью, которая свѣтла.

ВЪ ГЛУШИ.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо, лазурь ея глазъ,
Эта роскошь, волнистыя кудри до плечь,
Эта музыка, устъ ея тихая рѣчь?

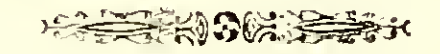
Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
И для міра любви и для міра искусствъ
Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ.

Прикоснется ли клавишъ, заплачитъ рояль;
На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну, — безотчетно грустна
Въ безотвѣтную даль долго смотритъ она...

Что звенитъ тамъ вдали, и звенитъ и зоветъ?
И за чѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И за чѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?

И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышетъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?

Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
Сердце ль проситъ любви и безъ раны болитъ,
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого расцвѣла? Для чего развилась?

ФИНСКІЙ БЕРЕГЪ.

(Посв. М. Е. Кублицкому.)

Лѣсъ да волны, берегъ дикій;
А у моря, домикъ бѣдный.
Лѣсъ шумитъ; въ сырыя окна
Свѣтитъ солнца призракъ блѣдный.

Словно звѣрь голодный, воя,
Вѣтеръ ставнями шатаетъ.
А хозяйки дочь, съ усмѣшкой,
Настежъ двери отворяетъ.

Я за ней слѣжу глазами,
Говорю съ упрекомъ: гдѣ ты

Пропадала? Сядь хоть нынче
Доплетать свои браслеты *).

И окошко протирая
Рукавомъ своимъ суконнымъ,
Говоритъ она лѣниво
Тихимъ голосомъ и соннымъ:

«Для чего плести браслеты?
«Господину не въ охоту —
«Ѣхать моремъ къ утру, въ городъ,
«Продавать мою работу!»

— «А скажи ка, помнишь, ночью,
«Какъ погода бушевала,
«Изъ сѣней укравши весла,
«Ты куда отъ насъ пропала?

«Въ эту пору, надъ заливомъ,
«Что мѣлькало? не платокъ ли?
«И за чѣмъ, когда вернулась,
«Башмаки твои подмокли?»

Равнодушно дочь хозяйки
Обернулась и сказала:

---

*) Въ Финляндіи дѣвушки простаго класса превосходно плетутъ изъ волосъ цѣпочки, шнурки, браслеты и продаютъ ихъ проѣзжающимъ.

«Какъ не помнить! Я на островъ
«Въ эту ночь ладью гоняла...

«Тотъ, кто ждалъ меня на камнѣ,
«Дожидался долго — зная,
«Что ему тамъ нуженъ хворостъ;
«Дровъ сухихъ ему свезла я!

«Тамъ у насъ, во время бури,
«Въ ночь костеръ горитъ и свѣтитъ;
«А за чѣмъ костеръ? — на это
«Каждый вамъ рыбакъ отвѣтитъ...»

Пристыженный, сталъ я думать,
Грустно голову понуря:
Тамъ, гдѣ любятъ, помогая,
Тамъ сердца сближаетъ буря.

ПИСЬМО.

Ужь ночь. Я къ ней пишу. Окно отворено;
Шумъ городской затихъ; надъ лампой мошки вьются.
Встаю, гашу огонь; хожу, гляжу въ окно:
Какъ низко облака надъ кровлями несутся!
Отъ этихъ облаковъ не будетъ и слѣда,
Въ часъ утра — а моей любви живыя грезы,
Задумчивой любви привѣтъ, слова и слезы
Еще изъ подъ пера не улетятъ... О, да!
Пусть буря въ эту ночь промчится, пусть потоки
Дождя всю ночь шумятъ и брызжутъ на гранитъ;
Завѣтнаго письма ни буря не умчитъ,
Ни дождь не смоетъ эти строки.
А! вотъ и мѣсяцъ! Вышелъ и глядитъ.
Скажи мнѣ что нибудь, о, мѣсяцъ блѣдно-ликій!

Ты чувствуешь иль нѣтъ? Я говорю съ тобой...
Тамъ, далеко, въ губерніи степной,
Среди безбрежія пустыни полудикой,
Скажи мнѣ, какъ она свои проводитъ дни?
И что друзья мои? Пропустятъ ли они
Нераспечатаннымъ мое письмо къ ней въ руки?
Не осмѣютъ ли каждую строку,
Гдѣ такъ невольно я высказывалъ тоску
Души, подавленной насиліемъ разлуки?
Она сама что скажетъ? Изорветъ
Мое письмо при всѣхъ, съ притворною досадой.
Или, измявъ его, потомъ тайкомъ прочтетъ
И вспомнитъ обо мнѣ съ мучительной отрадой?...
О, мѣсяцъ! Холодно ты смотришь свысока...
Бѣдняжка! Жаль тебя — несчетные вѣка
Свидѣтель столькихъ тайнъ, и мукъ, и сладострастья,
Ты въ небѣ осужденъ сіять, издалека
Всё видѣть и ни въ чемъ не принимать участья.

1853.

УЗНИКЪ.

Меня тяжелый давитъ сводъ,
Большая цѣпь на мнѣ гремитъ.
Меня то вѣтромъ опахнетъ,
То все вокругъ меня горитъ!
И, головой припавъ къ стѣнѣ,
Я слышу, какъ больной во снѣ,
Когда онъ спитъ, раскрывъ глаза —
Что по землѣ идетъ гроза.

Налетный вѣтеръ за окномъ,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако съ дождемъ
Несетъ на сонныя поля.
И Божьи звѣзды не хотятъ

Въ мою темницу бросить взглядъ;
Одна, играя на стѣнѣ,
Сверкаетъ молнія въ окнѣ.

И мнѣ отраденъ этотъ лучь,
Когда стремительнымъ огнемъ
Онъ вырывается изъ тучь...
Я такъ и жду, что Божій громъ
Мои оковы разобьетъ,
Всѣ двери настежъ распахнетъ,
И опрокинетъ сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить въ густыхъ лѣсахъ,
Степной дорогою блуждать,
Толкаться въ шумныхъ городахъ...
Пойду, среди живыхъ людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забыть позоръ моихъ цѣпей.

ЦВѢТОКЪ.

Блуждая по саду, она у цвѣтника
Остановилась, и любимаго цвѣтка
Глазами бѣглыми разсѣянно искала;
И наконецъ нашла любимца своего,
И майскимъ запахомъ его,
Полузажмурившись, медлительно дышала..
И долго, долго упивалась имъ, — потомъ,
Играя сорваннымъ цвѣткомъ,
Она его щипала понемножку,
И уронила на дорожку.

И той порой, румяное дитя,
Кудрявый мальчикъ, не шутя
Влюбленный въ рѣзвую богиню.

Нашелъ цвѣтокъ и поднялъ, какъ святыню...
Онъ долго тихими глазами провожалъ
Ея воздушную, игривую походку,
И потихоньку цѣловалъ
Неоцѣненную, случайную находку.

Такъ чувство нѣжное, когда оно проснется
Впервые, — трепетно слѣдитъ за красотой,
И всё, къ чему она случайно прикоснется
Животворитъ послушною мечтой.

* * *

О Боже, Боже!
Не ты ль вѣщалъ,
Когда мнѣ далъ
Живую душу:
Любить, страдать —
Страдать и жить,
Одно и тоже.

Но я роптал,
Когда страдалъ:
Я слезы лилъ,
Когда любилъ;
Негодовалъ,
Когда внималъ
Суду глупцовъ —

И утомлённый,
Какъ полусонный,
Я былъ готовъ
Борьбѣ тревожной —
Предпочитать
Покой ничтожный,
Какъ благодать.

Прости! — И снова
Душа готова
Страдать и жить,
И за страданья,
Отца созданья
Благодарить.

* * *

Моя судьба, старуха, нянька злая,
И безобразная, и глупая, за мной
Слѣдитъ весь день и, подъ руку толкая,
Надоѣдаетъ мнѣ своею болтовней.
Когда-то въ карты мнѣ она гадала
И мнѣ сулила много свѣтлыхъ дней;
Я, какъ ребенокъ вѣрилъ ей сначала,
Довѣрчивъ былъ и уживался съ ней.
То штопая, то дѣлая заплаты,
Она не разъ при мнѣ ворчала на бѣду:
«Вотъ погоди! какъ будемъ мы богаты,
«Я отъ тебя сама уйду!»
А между тѣмъ, несутся дни и годы,
Старуха всё еще въ моемъ углу ворчитъ;
Во всё мѣшается, хлопочетъ и, свободы
Лишая разумъ, сердце злитъ.

И жизнь моя невольно, какъ то странно
Сплелась съ ея житьемъ-бытьемъ;
И гдѣ бы ни былъ я, одинъ ли, безпрестанно
Мнѣ кажется, мы съ ней вдвоемъ.
Проснусь ли я душою, озаренный
Внезапной мыслію, иль новой красотой,
Плаксивое лице старухи раздраженной,
Какъ желтое пятно, мелькаетъ предо мной.
Хочу любить... «Нѣтъ» говоритъ: «не въ-правѣ
«Не смѣешь ты, не долженъ ты любить!»
Уединясь, мечтаю ли о славѣ —
Она, какъ мальчика, придетъ меня дразнить.
И боленъ я, и нѣтъ мнѣ силъ подняться,
И слышу я, старуха, головой
Качая, говоритъ, что врядъ ли мнѣ дождаться
Когда нибудь судьбы иной...
Иной судьбы, какъ божество прекрасной,
Какъ муза, нѣжно молодой,
То грустной, то задумчиво безгласной,
То увлекательно живой!

1855.

* * *

Поэтъ, въ минуты вдохновенья,
Будь отъ пристрастія далекъ;
Язви насмѣшкою порокъ:
Насмѣшка громче наставленья
Когда её, на кару зла,
Святая правда родила!
Будь выше всѣхъ предубѣжденій,
Страдай за истину, и пусть
Твои слова наводятъ грусть...
Да не забудется тотъ геній,
И не погибнетъ тотъ народъ,
Который смѣло отдаетъ,
Какъ бы въ минуты покаянья,
Свои грѣхи на посмѣянье.

1855.

ТИШЬ.

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны ни парусовъ.
Мореплаватель, сердито
Въ даль пустую не гляди;
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась, погоди!

ПЧЕЛА.

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Не даромъ чистыми, янтарными сотами
Ты, съ помощью сестеръ, свой улій убрала.
Ту руку, что тебя всё лѣто берегла
Обогатила ты сладчайшими дарами.

А я, собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашелъ я улій мой...
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ — ростутъ кусты крапивы
И не-куда сложить мнѣ ноши дорогой.

1855.

ВРЕМЕНИ.

За чѣмъ до сей поры тебя изображаютъ
Съ сѣдыми прядями на сморщеныхъ вискахъ,
Тогда какъ у тебя, на юныхъ раменахъ,
Лишь только крылья отростаютъ?

О время, пѣстунъ нашъ, на слабыхъ помочахъ,
Ты къ истинѣ ведешь людей слѣпое племя,
И въ бездну вѣчности роняешь ихъ, какъ бремя,
И бремя новое выносишь на плечахъ.

Счастливый Грекъ тебя, какъ смерти, ужасался,
Онъ въ руки далъ тебѣ песочные часы,
Косой вооружилъ и въ страхѣ повергался,
Предъ лезвіемъ твоей сверкающей косы.

А мы, среди своихъ попытокъ и усилій,
Склонивъ передъ тобой безславное чело,
Твердимъ: когда нибудь, авось, погибнетъ зло,

Отъ вѣянья твоихъ неслышно мощныхъ крылій!
Лети скорѣй, крылатое, скорѣй!
Намъ въ душу новыми надеждами повѣй!
Иль ужь губи всѣхъ тѣхъ, которымъ ты пророчишь
Одинъ безплодный путь, и дѣлай все, что хочешь!
Скорѣй мое чело морщинами изрой,
И вывѣтри скорѣй съ лица румянецъ мой,
И обреки меня холодному забвенью...
Что за бѣда! Другому поколѣнью
Ты наши лучшія надежды передашь,
Твердя ему въ урокъ удѣлъ печальный нашъ.

Своекорыстіе — и все, что сердце губитъ,
Невѣжество — и все, что гаситъ умъ,
Мнѣ безпрестанно въ уши трубитъ:
«Живи безъ чувства и безъ думъ!»
Вполнѣ постигли мы безплодіе стремленья
Къ добру, къ отрадному сочувствію людей,
И, къ вѣку выстрадавъ насмѣшку иль презрѣнье,
Мы говоримъ одно, въ порывѣ нетерпѣнья:
«О время! улетай скорѣй!»

БЭДА-ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрàми,
Пустынной тропою шелъ Бэда слѣпой;
На мальчика онъ опирался рукой,
По камнямъ ступая босыми ногами.
И было все глухо и дико кругомъ;
Одни только сосны росли вѣковыя,
Одни только скалы торчали сѣдыя,
Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ отвѣдать
Иль просто слѣпца онъ хотѣлъ обмануть:
«Старикъ!» онъ сказалъ: «я пойду отдохнуть;
«А ты, если хочешь, начни проповѣдать —
«Съ вершинъ увидали тебя пастухи;

«Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;
«Вонъ, жены съ дѣтьми! Говори имъ о Богѣ,
«О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи!»

И старца лицо просіяло мгновенно,
Какъ ключь, пробивающій каменный слой;
Изъ устъ его блѣдныхъ живою волной
Высокая рѣчь потекла вдохновенно...
Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!
Казалось — слѣпцу въ славѣ небо являлось;
Дрожащая къ небу рука поднималась,
И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ, ужь сгорѣла заря золотая,
И мѣсяца лучь блѣдный въ горы проникъ;
Въ ущелье повѣяла сырость ночная...
И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,
Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:
«Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ...»
Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;
Но только замолкъ онъ — отъ края до края:
Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

1855.

ТАТАРСКІЯ ПѢСНИ.

Посв. Г. П. Д—ому

I.

Онъ у каменной башни стоялъ подъ стѣной; [1]
И я помню, на немъ былъ кафтанъ дорогой;
И мелькала, подъ краснымъ сукномъ,
Голубая рубашка на немъ...
Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судомъ —
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена...

Весь народъ ходитъ въ праздничныхъ
Одѣяніяхъ;
Я одна только въ траурѣ!

Золотая граната ростетъ подъ стѣной;
Всѣхъ плодовъ не достать ни какою рукой;
Всѣхъ красивыхъ мужчинъ для чего
Стала бъ я привораживать! Но
Пріютила бъ я къ сердцу, во мракѣ ночей,
Приголубила бъ только его —
И ужъ больше любви мнѣ не нужно ни чьей!

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена...

Разлучили, сгубили насъ горы, холмы
Эриванскія! Вѣчно холодной зимы
Вѣчнымъ снѣгомъ покрыты онѣ!
Говорятъ: на чужой сторонѣ,
Дѣвы Грузіи, блескомъ своей красоты,
Увлекаютъ сердца... Обо мнѣ
Въ той странѣ, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена...

Говорятъ, злая вѣсть къ намъ оттуда пришла;
За горами кровавая битва была;
Тамъ засада была... Говорятъ,
Будто нашихъ сарбазовъ отрядъ
Истребленъ ненавистной измѣною [2])... Чу!
Кто то скачетъ... копыта стучатъ...
Пыль столбомъ... я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай въ меня камнями!...
Я и такъ уже ранена... —

1851.

II.

Онъ.

Если эти слёзы
Ничего не значутъ,
Посмотри хоть въ небо —
Тамъ всѣ звѣзды плачутъ;
Плачутъ эти звѣзды
За-одно со мною...

Гдѣ и какъ могу я
Видѣться съ тобою?

Она.

Скоро будетъ праздникъ —
Слѣдомъ за толпою,
Къ воротамъ Дамàска
Ты иди за мною...
Ты иди за мною...
Иначе нельзя мнѣ
Видѣться съ тобою!

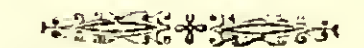
Онъ.

Въ храмѣ ли завижу —
Душа разгорится...
Вашему тамъ Богу
Стану я молиться...
Стану я молиться...
Мнѣ вашъ Богъ поможетъ:
Меня въ шелковинку
Обратить онъ можетъ,
Чтобъ куда ни шла ты,
Всюду невидимкой
Могъ я быть съ тобою,
Прильнувъ шелковинкой...

Она.

Чтобъ не разлучаться
Намъ съ тобой — къ востоку
Преклони колѣна
И молись Пророку!
Нашему же Богу
Помолюсь сама я,
Жаркимъ сердцемъ плакать
Не переставая!

1852.

ГОРНАЯ ДОРОГА ВЪ ГРУЗІИ.

Вижу, какъ тяжекъ мой путь,
Какъ безполезенъ мой поводъ.
Кони натужили грудь;
Солнце печетъ, жалитъ оводъ...

Что ты, лихой проводникъ,
Сверху кричишь мнѣ: «За мною.»
Ты съ малолѣтства привыкъ
Рыскать съ ружьемъ за спиною...

Я же такъ рано усталъ!
Скучны мнѣ виды природы:
Остовы глинистыхъ скалъ,
Рощей поникшіе своды...

Глухо, безлюдно кругомъ...
Тяжко на эти вершины,
Вѣчно объятыя сномъ,
Облокотились руины...

Спятъ... И едва ли отъ нихъ
Странникъ дождется отвѣта;
Врядъ ли порадуетъ ихъ
Голосъ роднаго привѣта.

Нѣтъ ли, скажи, проводникъ,
Нѣтъ ли преданья? — Рукою
Шапку надвинулъ старикъ
И покачалъ головою.

Вижу, потоки бѣгутъ;
Книзу проносится пѣна...
Черезъ потоки бредутъ
Кони, въ водѣ по колѣна.

Радъ бы и я утолить
Жажду, въ тѣни пріютиться;
Радъ бы съ коня соскочить,
Руки сложить и забыться.

Не куда спрыгнуть съ сѣдла;
Слѣва отвѣсныя стѣны,

Справа деревья и мгла,
Шумъ и сверканіе пѣны.

Радъ бы помчаться стрѣлой,
Радъ бы скакать — невозможно!
Конь мой идетъ осторожно,
Пробуетъ камни ногой.

И осторожность — заслуга!
Конь мой собой дорожитъ...
Вотъ поднимается съ юга
Вѣтеръ... Пустыня шумитъ...
Мнѣ же далекаго друга
Голосъ какъ будто звучитъ...

— «Другъ мой, за чѣмъ ты желаешь
«Лучшихъ путей? Путь одинъ!»
Ну, конь! иди самъ, какъ знаешь:
Здѣсь я не твой господинъ!

1847.

ГРУЗИНСКАЯ НОЧЬ.

Грузинская ночь, я твоимъ упиваюсь дыханьемъ!
Мнѣ такъ хорошо здѣсь, подъ этимъ прохладнымъ
навѣсомъ,
Подъ этимъ навѣсомъ уютной Нацвàловой сакли [2]).
На мягкомъ коврѣ я лежу, подъ косматою буркой;
Не слышу ни лаю собакъ, ни ослинаго крику,
Ни дикаго пѣнья, подъ жалобный говоръ чингỳри [3]).
Заснулъ мой хозяинъ, потухла святильня, въ же-
лѣзномъ
Висячемъ ковшѣ... Вотъ луна! — И я радъ, что
сгорѣло
Кунжỳтное масло въ моей деревенской лампадѣ...
Иныя лампады зажглись, — я иную гармонію слышу.
О Боже! какой резонàнсъ! Чу! какая то птица

Ночная, болотная птица поетъ въ отдаленьи...
И голосъ ея, точно флейты, отрывистый, чистый,
Рыдающій звукъ, вѣчно таже и таже,
Въ размѣръ повторенная нота — уныло и тихо
Звучитъ. Но она ли мнѣ спать не даетъ! Не она ли
Навѣла мнѣ на-душу грусть! Я смыкаю рѣсницы;
А думы несутся одна за другой, безпрестанно,
Какъ волны потока, бѣгущаго съ горъ по ущелью.
Но волны потока за тѣмъ ли бѣгутъ по ущелью,
Чтобъ только достигнуть предѣла и слиться съ вол-
намп
Безбрежнаго моря? Нѣтъ, прежде чѣмъ моря до-
стигнуть,
Онѣ на долину спѣшатъ напоить виноградныя лозы
И нивы, надежду древнѣйшаго въ мірѣ народа...

А вы, мои думы! Вы, прежде чѣмъ въ вѣчность
Умчитесь, въ полетѣ своемъ захвативъ миріады
Міровъ, вы, скажіте, уже-ль суждено вамъ
Носиться безплодно надъ этою чудной страною,
Такъ страстно любимою солнцемъ и выжженной солн-
цемъ?

СОДЕРЖАНІЕ

ОДНОЙ ГРУЗИНСКОЙ ПѢСНИ.

Всякой разъ, какъ подъ буркой, порою ночной,
Безпробудно я сплю до звѣзды заревой;

Три видѣнія райскихъ слетаютъ ко мнѣ,
Три красавицы чудныхъ я вижу во снѣ.

Какъ у первой красавицы очи блестятъ,
Такъ и звѣзды во мракѣ ночномъ не горятъ.

У второй, какъ подниметъ ресницы свои,
Очи зорко глядятъ, какъ глаза у змѣи.

Никогда не была ночь въ горахъ такъ темна,
Какъ у третьей темна черныхъ глазъ глубина.

И когда на зарѣ улетаетъ мой сонъ,
Не вставая гляжу я въ пустой небосклонъ —

Все гляжу, да все думаю молча о томъ:
Кабы деньги да деньги, построилъ бы домъ!

Окружилъ бы его я высокой стѣной,
Заключилъ бы я въ немъ трехъ красавицъ со мной —

Отъ утра до утра имъ бы пѣсни я пѣлъ,
Отъ зари до зари имъ бы въ очи глядѣлъ!

ПОСЛѢ ПРАЗДНИКА [4]).

Вчера къ развалинамъ, вдоль этаго ущелья,
Скакали всадники, и были зажжены
Костры, и до утра былъ слышанъ гулъ веселья,
Пальба и барабанъ, и вой зурны̀.

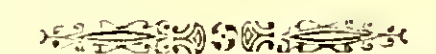
Изъ устъ въ уста ходила азарпѐша [5]).
И хлопали въ ладоши сотни рукъ,
Когда ты шла, Майкò, сердца и взоры тѣша,
Плясать по выбору застѣнчивыхъ подругъ [6]).

Сегодня вновь безлюдное ущелье
Глядитъ пустыней, мирная пальба
Затихла, выспалось похмѣлье,
И съѣхала съ горы послѣдняя арба!

Не все же праздновать! Веселый пиръ народный
Прошелъ какъ сонъ... Такъ нѣкогда любовь
Моя прошла, пылъ сердца благородный
Простылъ, давно простылъ; но не простыла кровь!

Какъ послѣ праздника, въ глоткѣ вина, отраду
Находитъ иногда гуляка удалой;
Такъ радъ я былъ внимательному взгляду
Моей Майкò, плясуньи молодой!

Что жъ медлю я... Бичò — [7]) ты, конюхъ мой проворный!
Коня!! — Ея арбу два буйвола съ трудомъ
Везутъ. — Догонимъ... Вонъ, играетъ вѣтеръ горный
Катибы бархатной пунцовымъ рукавомъ [8]).

ПАСТУХЪ И АРХЕОЛОГЪ.

На мѣстѣ праздника осталось только двое;
Одинъ пастухъ изъ ближняго села,
Другой археологъ; въ отечество чужое
Его любовь къ руинамъ занесла.

Пастухъ! Ты потерялъ двухъ буйволовъ, несчастный,
Стоишь и думаешь: кто буйволовъ укралъ?
Археологъ! Ты надпись отыскалъ;
Стоишь и думаешь: что значитъ смыслъ неясный
Письменъ, съ которыхъ пыль ты тщательно сметалъ?

И невозможна имъ взаимная услуга;
Ученый пастуху не можетъ отвѣчать,
Пастухъ ученаго не въ силахъ понимать;

Но въ этотъ мигъ они похожи другъ на друга:
Ихъ цѣль одна теперь — узнать и доказать!

Археологъ найдетъ, не безъ укора,
Намъ имя варвара разрушившаго храмъ;
А тотъ, когда нибудь, найдетъ ночнаго вора
И также уличитъ его по всѣмъ правамъ.

НЕ ЖДИ.

Я не приду къ тебѣ... Не жди меня! Не даромъ,
Едва потухло зарево зари,
Всю ночь зурна звучитъ за Авлабàромъ [9]),
Всю ночь за банями поютъ сазандарiи.

Здѣсь теплый свѣтъ луны позолотилъ балконы,
Тамъ углубились тѣни въ виноградный садъ;
Здѣсь тополи стоятъ, какъ темныя колонны,
А тамъ, вдали, костры веселые горятъ...

Пойду бродить! — Послушаю, какъ льется
Нагорный ключь, во мглѣ заснувшихъ Салалàкъ [10]),
Гдѣ звонкiй голосъ твой такъ часто раздается,
Гдѣ часто, вижу я, мелькаетъ твой личàкъ [11]).

Не ты ли тамъ стоишь на кровлѣ подъ чадрою,
Въ сіяньѣ мѣсячномъ?! — Не жди меня, не жди!
Ночь слишкомъ хороша, чтобъ я провелъ съ тобою
Часы, когда душѣ простора нѣтъ въ груди...

Когда сама душа, сама душа не знаетъ,
Какой любви, какихъ еще чудесъ,
Просить или желать, — но проситъ, но желаетъ,
Но молится предъ образомъ небесъ,
И чувствуетъ, что уголокъ твой душенъ,
Что не тебѣ моимъ моленьямъ отвѣчать...
Не жди! — Я въ эту ночь къ соблазнамъ равно-
душенъ,
Я въ эту ночь къ тебѣ не буду ревновать.

ЗАСТУПНИЦА.

Когда Архангелъ протрубитъ въ трубу,
И мертвецы проснутся въ ужасѣ; когда
Рѣшить земныхъ племенъ послѣднюю судьбу
Настанетъ страшный день послѣдняго суда...
Когда земная ось качнется подъ стопой
Царя земныхъ царей, судьи земныхъ судей,
Чтобъ вѣчный свѣтъ его проникъ въ сердца людей,
Чтобъ солнце зла познало западъ свой [12]);
Когда предъ Господа торжественно на судъ
Смущенные народы потекутъ,
Сложа вѣнцы, послѣдній дать отвѣтъ
За тысячи прожитыхъ ими лѣтъ;
Когда и ты, о Русь могучая, главой,
Въ числѣ другихъ державъ, поникнешь предъ судьей,
И взглянетъ на тебя неотразимый взоръ,
Взоръ, вопрошающій о подвигахъ добра...
Тогда въ невѣденьѣ, что скажетъ приговоръ,

Твоей заступницей придетъ твоя сестра,
Твоя Ивѐрія, съ мольбою на устахъ,
И за тебя въ слезахъ повергнется во прахъ...
И молвитъ томная Иверія, въ слезахъ,
Преодолѣвъ души благоговѣйный страхъ:
«О, Царь царей! Господь! суди мои дѣла;
«Но милуй Русь! Безъ помощи сестры,
«Я бъ тяжкимъ сномъ спала до сей поры,
«Я бъ никакихъ плодовъ тебѣ не собрала...
«Когда, избитая мечами мусульманъ,
«Лежала я въ горахъ и кровь текла изъ ранъ;
«Когда въ сынахъ моихъ я видѣла враговъ,
«И слезы капали на пепелъ городовъ —
«Единовѣрная одна ко мнѣ пришла,
«Не за добычею, не за моимъ добромъ,
«Она пришла ко мнѣ въ ограбленный мой домъ...
«Нѣтъ! Изъ любви она мнѣ руку подала!!
«Съ тѣхъ поръ, добро и зло, все съ ней дѣлила я,
«Всю сладость бытія, всю горечь бытія,
«Всѣ, страшные врагамъ, вѣнцы ея побѣдъ,
«И слезы тайныя во дни народныхъ бѣдъ...
«О, Царь царей! Господь! суди мои дѣла,
«Но милуй Русь!....»

ВЪ ИМЕРЕТІИ [13]).

Царя Вахтанга ветхія страницы
Перебирая въ памяти моей,
Иду я въ теремъ доблестной царицы [14]),
Въ развалину, пріютъ невѣдомыхъ тѣней.
Уже заря, какъ зарево пожара,
На гребни темныхъ скалъ бросаетъ жаркій свѣтъ.
Заря, лѣса и скалы!... о, Тамара!
Не здѣсь ли пѣлъ твой пламенный поэтъ? [15])
Дыша, я чувствую, что здѣсь земля — кладбище,
А небеса — покровъ почіющихъ Царей;
И между тѣмъ нигдѣ природа, какъ жилище
Творца, не можетъ быть ни лучше, ни пышнѣй...
Кругомъ, какъ Божія ограда,
Заоблачный хребетъ далеко манитъ взоръ;

Тамъ спятъ лѣса подъ говоръ водопада,
А здѣсь миндаль, и лозы винограда,
И дикаго плюща живой коверъ.
О, здѣсь бы жить — любить и наслаждаться...
Но по горамъ какой-то демонъ злой,
Блуждая, не даетъ ни сердцу забываться,
Ни бѣдный умъ согрѣть мечтой!
Незримый духъ! Онъ всюду бьетъ тревогу:
Вездѣ кричитъ: «сюда, сюда!
«Здѣсь нужно вамъ въ скалахъ пробить дорогу!
«Здѣсь рѣку запрудить! Тамъ строить города!
«Никто не жнетъ плодовъ, не сѣя...»
Ужасный духъ! Отъ каждаго пигмея
Готовъ онъ требовать гигантскаго труда!
Тамары нѣтъ... О, Русь! Еще ли ты не въ силахъ,
Поднявши мечь и заступъ, и топоръ,
Развить и жизнь, и мысль на царственныхъ могилахъ,
Чтобъ успокоить духа горъ?...

КАХЕТИНЦУ.

Я знаю, тамъ, за вашими горами,
По старинѣ, въ саду, въ тѣни кудрявыхъ лозъ,
Ты любишь пить съ веселыми гостями
И уставлять ковры букетами изъ розъ [16])!

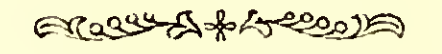
И весело тебѣ, когда рабы снимаютъ
Вашъ виноградъ, когда по цѣлымъ днямъ
Въ давильняхъ толкотня, и мутныя стекаютъ
Струи вина, журча по длиннымъ желобамъ... [17])

Ты любишь пулями встрѣчать гостей незваныхъ,
Лезгинъ, изъ ближнихъ горъ забравшихся въ сады;
И любишь гарцовать, когда толпой, на рьяныхъ
Коняхъ, спѣшите вы на пиръ въ Аллаверды [18]).

И весело тебѣ, что твой кинжалъ съ насѣчкой,
Что мѣткое ружье въ оправѣ дорогой,
И что твой конь звенитъ серебряной уздечкой,
Когда онъ ржетъ и пляшетъ подъ тобой.

И любишь ты встрѣчать, невѣдомый до нынѣ,
Въ теплицахъ Сѣвера воспитанный цвѣтокъ [19]);
Она у васъ теперь цвѣтетъ въ родной долинѣ,
И не скрывается, чтобъ каждый видѣть могъ —

Чтобъ каждый могъ забыть, смотря съ благого-
вѣньемъ
На кроткія, небесныя черты,
И праздность, и вино, съ его самозабвеньемъ,
И месть, и ненависть, и гордыя мечты!

АГБАРЪ.

I.

Крадется ночью татаринъ Агбàръ
Къ саклѣ, заснувшей подъ тѣнью чинаръ.

Вотъ, миновалъ онъ колючій плетень [20]);
Видитъ, на саклѣ колышится тѣнь.

Какъ не узнать ему, даромъ что ночь,
Какъ не узнать Агала́рову дочь! [21])

Мрачно... Въ аулѣ огней не видать;
Лютые псы перестали ворчать.

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ.

«Солнце мое! сталъ Агбàръ говорить:
«Я за тебя радъ себя погубить!»

«Что-жъ ты! зачѣмъ не украдешь меня?»
— «Радъ бы, укралъ я, да нѣту коня!...

«Завтра пошлю я къ отцу твоему,
«Бѣдный калы̀мъ предложу я ему [22]):

«Двадцать послѣднихъ монетъ серебра,
«Пару воловъ, два узорныхъ ковра...

«Тише!... Прощай!» — И во мракѣ чинаръ
Скрылся проворный татаринъ Агбàръ.

II.

Солнце печетъ темя каменныхъ горъ.
Голову клонитъ на мягкій коверъ —

И отдыхаетъ подъ тѣнью чинаръ,
Въ шапкѣ косматой, старикъ Агалàръ.

Неподалеку, въ закрытыхъ сѣняхъ,
Жены мотаютъ шелкѝ на станкахъ.

Возлѣ на камнѣ старуха сидитъ,
Сдвинула брови и въ землю глядитъ.

—«Пару воловъ?... У меня тридцать паръ!
«Что мны волы!» говоритъ Агаларъ.

«Мало ли есть у Князей табуновъ!
«Мало ли тамъ дорогихъ жеребцовъ!

«Пусть уведетъ онъ, хоть въ эту же ночь,
«Пару коней, — я отдамъ ему дочь...

«Знаю, недавно проѣхалъ въ Ганжу [23])
«Русскій чиновникъ, а кто не скажу.

«Есть у него дорогое ружье:
«Если ружье это будетъ мое,

«Если украдетъ хоть въ эту же ночь,
«Пусть принесетъ, — я отдамъ ему дочь...

«Мало того, есть купецъ армянинъ...
«Деньги везетъ, — ѣдетъ съ дуру одинъ...»

И, усмѣхнувшись, лукавый старикъ
Началъ дремать, головою поникъ.

Встала старуха, накрылась чадрой,
И поплелась потихоньку домой.

III.

Свѣтитъ луна, какъ далекій пожаръ;
Вѣтеръ качаетъ вершины чинаръ.

Листья чинаръ безпокойно шумятъ;
Лютые псы у сосѣда ворчатъ.

Вновь на свиданье Агбàръ удалой
Крадется къ саклѣ знакомой тропой.

Жаркое сердце забилось въ груди;
Кто могъ шепнуть ей: красавица жди!

Ясныя звѣзды потупили взоръ;
Слушаютъ звѣзды ночной разговоръ...

— Гдѣ пропадалъ ты, возлюбленный мой? —
«Я не пропалъ, я пришелъ за тобой!»

— Каждую ночь я ходила сюда...
Милый, скажи мнѣ, какая бѣда?

«Въ эту недѣлю укралъ я коня;
«Добрый товарищъ насъ ждетъ у плетня;

«Въ эту недѣлю укралъ я ружье;
«Да не въ ружьѣ все богатство мое!

«Имъ я убилъ армянина купца...
«Деньги досталъ по совѣту отца.

«Имъ и отца я убью въ эту ночь,
«Если украсть помѣшаетъ мнѣ дочь!»

ТАТАРКА.

На конѣ, въ тѣни черешни,
Я стою, смотрю, какъ вешній
Вѣтерокъ волнуетъ рисъ;
По дорогѣ ѣхать жарко...
Ни души, одна татарка
По оврагу сходитъ внизъ.

Вотъ, сошла и у канавы,
На обломокъ сѣрой лавы,
Ставитъ кованый кувшинъ;
Подбоченилась лѣниво,
И косится боязливо,
Нѣтъ ли около мущинъ?

Я замѣтилъ безпокойный
Взглядъ, щеки румянецъ знойный,
Черный локонъ у виска...
О, Аллахъ! въ твоей пустынѣ,
Я подобнаго до нынѣ
Не видалъ еще цвѣтка!

Но татарка встрепенулась
И пугливо завернулась
Руйбяндьі своей концомъ [21]);
Торопливо придержала
Свой кувшинъ и грубо стала
Отъ меня назадъ лицемъ.

Неучтивъ обычай края!
Но, обычай проклиная,
Быть въ долгу я не хочу;
(Можетъ быть догадливъ былъ я)
Самъ себѣ лицо закрылъ я
Пыльной шапкой и скачу.

Впрочемъ, какъ не обернуться!
Вижу, какъ не улыбнуться...
На меня она глядитъ
И смѣется — вотъ уловка!
Догадалася плутовка,
Что никто не сторожитъ!

ПРОГУЛКА ПО ТИФЛИСУ.

(*Письмо къ Льву Сергѣевичу Пушкину.*)

Какъ полдень, такъ у насъ стрѣляетъ пушка...
Покуда эхо гулъ свой тяжко по горамъ
Разноситъ, молча вынимая
Часы, мы наблюдаемъ: стрѣлка часовая
Ушла или вѣрна по солнечнымъ часамъ?
Потомъ, до двухъ, мы заняты дѣлами;
Но такъ-какъ всѣ они рѣшаются не нами,
Спокойно можемъ мы обѣдать, ѣсть плоды,
И жажду утолять, не трогая воды...
Въ собраньѣ пусто; членовъ непремѣнныхъ

Четыре человѣка каждый день
Встрѣчать наскучило; читать газеты лѣнь;
Журналы запоздали; нѣтъ военныхъ;
Всѣ въ экспедиціи... И тамъ, пока въ горахъ,
Не дальше можетъ быть, какъ только въ ста верстахъ,
Идетъ рѣзня, (Шамиль воюетъ),
Для насъ рѣшительно войны не существуетъ.
Послѣ обѣда мы играемъ роль боговъ,
И, неспособные заняться даже вздоромъ,
Завѣсивъ окна каленкоромъ,
Лежимъ...
Кто развалившись на диванѣ,
Кто растянувшись на коврѣ...
Воображать себя заснувшимъ въ теплой банѣ
Пріятно, потому что на дворѣ
Невыносимо жарко. Мостовая,
Гдѣ, изъ подъ ногъ, вчера скакала саранча,
Становится порядкомъ горяча,
И жжетъ подошву. — Солнце, раскаляя
Слои окрестныхъ скалъ, изволитъ наконецъ
Такъ натопить Тифлисъ, что еле дышишь
Все видишь, не глядя, и, слушая, не слышишь...
Когда то ночь придетъ, дождемся ли, Творецъ!
Вотъ, ночь не ночь, а все же наконецъ
Пора очнуться. Тихій, благодатный

Нисходитъ вечеръ; часъ весьма благопріятный
Для той прогулки, отъ которой ждать
Отрады — первая въ Тифлисѣ благодать...

Куда жъ идти! Иду черезъ Мухранскій
Овражный мостъ, и прямо на Армянскій
Базаръ являюсь; тамъ народъ,
Поднявшись на зарѣ, для дѣлъ, нужды и лѣни,
На узкихъ тротуарахъ ищетъ тѣни,
Гуляетъ, спитъ, работаетъ и пьетъ.
Народъ особенный... Я здѣсь люблю толкаться
И молча наблюдать, и молча любоваться
Картинами, какихъ конечно никогда
Мнѣ прежде видѣть не случалось...
Ихъ не видать — невелика бѣда,
Но видѣть весело, пока не стосковалась
Душа по тѣмъ стѣнамъ, которыхъ видъ одинъ
Бывало наводилъ тоску и даже сплинъ!
Но... я не знаю что, привычка, можетъ статься,
Бродя въ толпѣ, на лицахъ различать
Слѣды разврата, бѣдности безгласной,
Или корысти слишкомъ ясной,
Невѣжества угрюмую печать —
Убавила во мнѣ тотъ жаръ напрасный,
Съ которымъ нѣкогда я радъ былъ вопрошать
Послѣдняго изъ всѣхъ забытыхъ нами братій.

Увы! прошелъ мой бредъ! Смѣшно не понимать,
Что грубая нужда не въ силахъ раздѣлять
Ни благородныхъ чувствъ, ни развитыхъ понятій,
Что наша связь давно разорвана съ толпой,
Что лучшія мечты, источники страданья,
Для благородныхъ душъ останутся мечтой...
И такъ, чтобъ не входить въ безплодныя мечтанья,
Я поскорѣй пріймусь за описанье!

Съ чего начать?!... Представьте, я брожу
По улицамъ, а гдѣ, и самъ не знаю;
Тифлисъ оригинальнымъ нахожу,
По крайней мѣрѣ не скучаю...
Представьте наконецъ, я въ улицу вхожу
Кривую, тѣсную; подъ старыми домами
На право и на лѣво лавокъ рядъ.
Вотъ, караванъ-сарай; восточными коврами
Увѣшанъ пыльный входъ, узоры ихъ пестрятъ.
Но я иду отъ нихъ, сквозными воротами,
На низкій дворикъ, устланный плитами,
Съ бассейномъ безъ воды, и слышу, какъ шумитъ
Волна въ Курѣ... Куда она спѣшитъ,
Неугомонная, живая?...
Не знаетъ, что вдали отъ этихъ береговъ,
Ей не видать другихъ цвѣтущихъ городовъ,
Какъ не видать земнаго рая!

Что никогда, оттуда, гдѣ шумятъ
Каспійскіе валы, гнилой камышь качая,
Къ рѣшеткамъ караванъ-сарая
Не воротиться ей назадъ!
Спѣшу на улицу и вижу, виноградъ
Виситъ тяжелыми, лиловыми кистями;
Поспѣлъ; купите фунтъ, бакàльщикъ радъ... [25])
Вотъ, перецъ и миндаль, а вонъ, табакъ Турецкій
Насыпанъ кучами; кальяны, чубуки,
Кинжалы, канаўсъ, [26]) бумажные платки,
Товаръ Персидскій и Замоскворѣцкій!
Дешевый все товаръ изъ самыхъ дорогихъ...

Иду я дальше; множество портныхъ
Сидятъ на низенькихъ подмосткахъ, въ мѣховыхъ
Остроконечныхъ шапкахъ, рукава утюжатъ,
Обводятъ обшлага черкески заказнòй
Иль праздничной чухѝ тесьмою золотой;
Усердно шьютъ и мнѣ усердно служатъ:
Изъ мѣдныхъ утюговъ огонь я достаю,
Чтобъ тутъ же закурить потухшую мою
Сигару — здѣсь курить начальство позволяетъ;
Пожаровъ никогда въ Тифлисѣ не бываетъ,
Въ Тифлисѣ просто нечему горѣть,
Здѣсь только можно загорѣть,
Что вѣроятно всякій знаетъ...

Вотъ, вижу я, цырюльня; у дверей,
Круглится голова; поджавъ босыя ноги,
Сидитъ благочестивый на порогѣ
Татаринъ; голову его бородобрей
Нагнулъ по ближе къ свѣту, выбрилъ, поскорѣй
Тряпицей вытеръ; и къ окошку
Сушить повѣсилъ грязную вѣтошку...
Чего жъ вамъ больше! — Вотъ, кофейня, два купца,
Два Персіанина играютъ молча въ шашки;
Хозяинъ смотритъ, сумрачный съ лица;
А между тѣмъ *бичò* перемѣняетъ чашки.
Въ пяти шагахъ, желая апетитъ
Свой утолить, у небольшой харчевни,
Сошлись работники, грузины изъ деревни;
Котлы кипятъ, горячій паръ валитъ,
Лепешекъ масляныхъ еще дымятся глыбы;
Кувшинъ съ виномъ подъ лавкою стоитъ,
А съ потолка висятъ хвосты копченой рыбы.
Вотъ, на полу какой-то кладовой,
(Вы здѣшніе дома конечно не забыли),
Два армянина, завязавъ отъ пыли
Глаза платкомъ, натянутой струной
Перебиваютъ шерсть. Насупротивъ, у лавки,
Гдѣ какъ-то меньше толкотни и давки,
Усѣлся на скамьѣ худой, невзрачный жидъ,

И на станкѣ тесьму и позументы
Прилежно тчетъ; за нимъ, на сундукѣ,
Откинувъ рукава, сидитъ въ архалухѣ
Мѣняла, въ сладостной надеждѣ на проценты...

Но вотъ, базаръ еще тѣснѣе,
Разноплеменная толпа еще пестрѣе.
Я слышу скрипъ и шумъ, и крики — *хабардà!* [27])
Вотъ, нищій подошелъ ко мнѣ, склонясь на посохъ;
Вотъ, буйволы идутъ, рога свои склоня;
Тяжелая арбà скрипитъ на двухъ колёсахъ;
Вотъ, скачетъ конь; упрямаго коня
Стегаетъ плеть; на лѣво, съ бурдюкàми [28]),
Знать, изъ Кахèтіи съ виномъ,
Досчатый возъ плетется, и на немъ
Торчитъ возница съ красными усами [29]).
А вонъ, ослы въ разбродъ идутъ,
Въ кошёлкахъ уголья несутъ
И машутъ длинными ушами;
На одного изъ нихъ усѣлися верхомъ
Въ лохмотьяхъ два полунагихъ ребенка,
А третій сзади глупаго осленка
Немилосердно бьетъ хлыстомъ...

Тифлисъ для живописца есть находка!
Взгляните, напримѣръ: изорванный чекмень,

Башлыкъ, нагая грудь, безпечная походка,
Въ чертахъ лица задумчивая лѣнь,
Кинжалъ, и странное въ глазахъ одушевленье!
Вотъ, напримѣръ, живое воплощенье
Труда — *муша* по улицѣ идетъ [30]),
Огромный шкафъ, перекрестивъ ремнями,
Онъ на спину взвалилъ и медленно несетъ,
Согнувшись въ уголъ; потъ ручьями
По загорѣлому лицу его течетъ;
Онъ изъ подлобья смотритъ и даетъ
Дорогу... Не могу дорисовать картины!
Представьте, что въ глазахъ мѣшаются ослы,
Ковры, солдаты, буйволы, грузины,
Муши, балконы, осетины,
Татары — наконецъ я слышу крикъ муллы;
И — наконецъ, подъ минаретомъ,
Свожу знакомство съ новымъ свѣтомъ,
И чувствую, что — на чужомъ пиру...
На лѣво мостъ идетъ черезъ Куру̀,
А вонъ, крутой подъемъ къ заставѣ Эриванской;
Вотъ, вижу караванъ подходитъ Шемаханскій:
Какъ великанъ идетъ передовой верблюдъ;
За нимъ гуськомъ его товарищи идутъ —
Раздули ноздри и глядятъ спѣсиво;
Ихъ шеи длинныя на сторожѣ стоятъ,

На нихъ бубенчики нестройные звенятъ;
Съ горбовъ виситъ космами грива..
Огромные тюки качая на спинѣ,
Рабы востока тяжестію ноши
Гордятся и блаженствуютъ вполнѣ!
А я глотаю пыль, иду и въ сторонѣ,
Вдругъ, слышу деревянныя подкòши [31])
Стучатъ; идетъ татарка въ бѣлой простынѣ;
Толпа грузинскихъ женъ спѣшитъ укрыться въ банѣ,
А я спѣшу назадъ, спѣшу куда нибудь,
Чтобъ только чистымъ воздухомъ дохнуть,
Что невозможно на Майдàнѣ [33]).

Гдѣ я, Творецъ! Какія тамъ сидятъ
Фигуры на стѣнахъ, перебираютъ четки,
И неподвижно внизъ глядятъ?
Внизу оврагъ; на днѣ его шумятъ
Горячіе ключи... Неужели назадъ
Идти?! Ого! надъ самой головою,
Я слышу разговоръ, а можетъ быть и брань...
Но... пусть бранятъ! Теперь передо мною
Открылся чудный видъ! Отсюда, изъ-за бань
Мнѣ виденъ зàмокъ за Курòю... [23])
И мнится мнѣ, что каменный карнизъ
Крутаго берега, съ нависшими домами,

Съ балконами, рѣшетками, столбами,
Какъ декорація въ волшебный бенефисъ,
Роскошно освѣщенъ бенгальскими огнями.
Отсюда вижу я, за синими горами,
Заря какъ жертвенникъ пылаетъ и Тифлисъ
Привѣтствуетъ прощальными лучами...
О, какъ блистательно проходитъ этотъ часъ!
Великолѣпная для непривычныхъ глазъ
Картина! Вспомните всю массу этихъ зданій,
Всю эту смѣсь развалинъ безъ преданій,
Домовъ, построенныхъ быть можетъ изъ руинъ,
Садовъ, опутанныхъ вѣтвями винограда,
И этихъ куполовъ, которыхъ видъ одинъ
Напомнитъ вамъ предмѣстья Царьграда...
И согласитесь, что нарисовать
Тифлисъ не моему перу... Къ тому жъ, признаться,
Мнѣ самому пришлось не долго любоваться;
Я какъ-то вздумалъ догадаться,
Что на чужомъ дворѣ невыгодно стоять:
Гдѣ улица, гдѣ дворъ, въ иныхъ мѣстахъ Тифлиса
Не разберешь...

Но вотъ, ужъ сумерки сгущаются въ глуши
Садовъ, и застилаютъ переулки;
Въ глухіе, дальніе забрелъ я закоулки —

И ни одной мужской души!
Вотъ женщина взошла на низенькую кровлю;
Вдали звучитъ протяжная зурна̀;
Какъ видно, здѣсь крикливую торговлю
Семейная смѣнила тишина.
Вотъ у калитки двѣ старухи...
Двѣ... ... сошлись и, вѣроятно, слухи
Передаютъ другъ другу. Вонъ скамья
Стоитъ, никѣмъ не занята̀я;
Межъ-тѣмъ, какъ на землѣ почтенная семья
Сидитъ, безпечно отдыхая...

Не стану женщинъ вамъ описывать нарядъ;
Ихъ легкое, какъ воздухъ, покрывало,
Косицы черныя и любопытный взглядъ,
Въ которыхъ много блеску, жизни мало...
Повсюду я спѣшу ловить
Рой самыхъ свѣжихъ впечатлѣній;
Но, признаюсь вамъ, надо жить
Въ Тифлисѣ, наблюдать, любить —
И ненавидѣть, чтобъ судить,
Или дождаться вдохновеній ..

1846.

САЯТЪ-НОВА [33].

Много песковъ поглощаютъ моря, унося ихъ волнами;
Но берега ихъ сыпучими вѣчно покрыты песками.

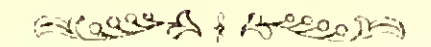
Много и пѣсенъ умчитъ навсегда невозвратное время;
Новыя встанутъ пѣвцы и услышитъ ихъ новое племя.

Если погибну я, знаю, что міръ мои пѣсни забудетъ;
Но для тебя, нѣжный другъ мой, другаго пѣвца ужъ
не будетъ.
Если погибну я, знаю, что свѣтъ не замѣтитъ утраты;
Ты только вспомнишь тѣ пѣсни, подъ звуки которыхъ
цвѣла ты.

Я просвѣтилъ твое сердце, а ты — ты мой умъ
помрачила;
Я улыбаться училъ — а ты плакать меня научила.

Такъ, если смолкну я, страстно любя тебя, другъ
благородный,
Гдѣ, разрѣши мнѣ послѣдній вопросъ мой, гдѣ
будетъ холодный
Прахъ мой покоиться?... Тамъ ли, въ далекихъ пре-
дѣлахъ чужбины;
Здѣсь ли, въ саду у тебя, близь тебя, подъ навѣ-
сомъ райны?...

1851.

НОЧЬ НА ВОСТОЧНОМЪ БЕРЕГУ

ЧЕРНАГО МОРЯ.

СОНЕТЪ.

Чу! — выстрѣлъ — встань! Быть можетъ, нападенье...
Не разбудить ли козаковъ?...
Быть можетъ пароходъ заходитъ въ укрѣпленье
Подать письмо съ родимыхъ береговъ.
Открой окно! Ни зги! Желанныхъ парусовъ
Кто въ эту ночь увидитъ приближенье!
Луну заволокла громада облаковъ...
Не громъ ли? Нѣтъ, не громъ; а сильное вол-
ненье...

За чѣмъ проснулись мы, увы, кто скажетъ намъ!
Однѣ валы шумятъ и плачутъ безъ отвѣта...

Такъ часто, въ наши дни, въ нѣмой душѣ поэта
Проходятъ образы, незримые очамъ,
Но вожделенные, подобно парусамъ,
Идущимъ въ пристань до разсвѣта.

1850.

(*Пароходъ Тамань.*)

САТАРЪ [34]).

Сата̀ръ! Сата̀ръ! твой плачь гортанный,
Рыдающій, глухой, молящій, дикій крикъ,
Подъ звуки чіану̀ръ и трели барабанной,
Мнѣ сердце растерзалъ и въ душу мнѣ проникъ.

Не знаю, что поешь; я словъ не понимаю;
Я съ дѣтства къ музыкѣ привыкъ совсѣмъ иной;
Но ты поешь всю ночь на кровлѣ землянóй,
И весь Тифлисъ молчитъ, и я тебѣ внимаю —
Какъ будто издали, съ востока, братъ больной
Чрезъ тебя мнѣ шлетъ упрекъ или ропотъ свой.

Не знаю, что поешь — быть можетъ пѣснь Кярама,
Того пѣвца любви, кого сожгла любовь;
Быть можетъ къ мести ты взываешь, кровь за кровь,
Быть можетъ славишь ты кровавый мечь Ислама,
Тѣ дни, когда предъ нимъ дрожали тьмы рабовъ...
Не знаю, — слышу вопль — и мнѣ не нужно словъ!...

1851.

ВЫБОРЪ УСТА-БАША [35].

Базары спятъ... Едва взошла
Передразсвѣтная денница!...
И что за шумъ на той горѣ!
Тифлисскихъ нищихъ на зарѣ
Куда плетется вереница?

Какъ будто на церковный звонъ,
Слѣпца ведетъ его вожатый,
Какъ будто свадьбы ждать богатой,
Или богатыхъ похоронъ!
Тамъ, межъ калекъ, сидятъ босые
Въ косматыхъ шапкахъ старики,
Сложа на камни гробовые
Свои порожніе мѣшки.

Не за копѣечной добычей,
Чтобъ завести иной обычай,
Къ монастырю, на этотъ разъ,
Ватага нищихъ собралась.
Иная мучитъ ихъ забота;
Забывъ про мѣдные гроши,
Они шумятъ: «Вай, вàй! Кого-то
«Мы изберемъ въ уста-баши!...»

Возставъ отъ сна, Тифлисъ хохочетъ
Надъ ихъ оборванной толпой;
Прослыть въ народѣ головой
У нищихъ каждый нищій хочетъ.
Бранятся, спорятъ и шумятъ...
Изъ нихъ одинъ въ толпѣ нескромной,
Одинъ Гитò, старикъ бездомный,
Сурово-пасмурный на взглядъ,
Сѣдой, какъ лунь, въ дырявой шапкѣ,
Прикрывъ отъ вѣтра и дождей
Узлами обвѣтшалой тряпки
Загаръ нагихъ своихъ плечей,
Стоитъ, свой посохъ упирая
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
И, грустно говору внимая,
Молчанье мертвое хранитъ.

— «Гитò, Гитò! скажи хоть слово...
И будь надъ нами уста-бàшъ!»
«Нѣтъ, братья! молвилъ онъ сурово:
Спасибо вамъ за выборъ вашъ;
Не вижу толку въ сборѣ вашемъ,
Не вижу толку и въ рѣчахъ;
Не мнѣ быть вашимъ уста-бàшемъ...
Вездѣ, гдѣ только хлѣбъ находимъ,
По городамъ и деревнямъ,
Какъ мертвецы, вездѣ мы бродимъ;
И кто бродить мѣшаетъ намъ?...»

И онъ замолкъ... Но нищихъ братья
Не вникла въ рѣчи старика;
Въ толпѣ послышались проклятья
И замахнулася клюка.

Свой длинный посохъ упирая,
Въ заржавый мохъ могильныхъ плитъ,
На брань толпы не возражая,
Гитò съ усмѣшкой говоритъ:
«О чемъ шумѣть? Настало лѣто,
Прійдетъ и осень; такъ и вы,
Послушавъ моего совѣта,
Не будете безъ головы...

Пусть выборъ нашъ рѣшаетъ счастье;
Я укажу вамъ домъ одинъ,
Гдѣ, вѣчно-мрачный, какъ ненастье,
Живетъ какой-то Армянинъ.
Какъ мы, такой же безсемейной,
Похоронивъ недавно дочь,
Живетъ онъ жизнію келейной,
Считая деньги день и ночь ..
Кто, братья, къ празднику Христову,
Во имя Божескихъ наградъ,
Хоть полъ-абàза на обнову
Своихъ изорванныхъ заплатъ,
У скряги выплачетъ, не даромъ,
Какъ самый счастливый изъ насъ,
Онъ будетъ править всѣмъ амкàромъ [36]),
И я послушаюся васъ!»

И всѣ въ отвѣтъ сказали разомъ:
— «Быть по совѣту твоему!
Навелъ ты насъ на путь на разумъ!»
И каждый взялъ свою суму...

Совѣтъ Гитò пропалъ не даромъ;
Богатый Армянинъ живетъ
И до сегодня за базаромъ,

Гоняя нищихъ отъ воротъ.
Гитò улегся на кладбищѣ...
И вотъ прошло ужъ много лѣтъ
Съ тѣхъ поръ... Вай, вàй! У братьи нищей
Уста-башà все нѣтъ какъ нѣтъ!...

1851.

ТАМАРА

и

ПѢВЕЦЪ ЕЯ ШОТА-РУСТАВЕЛЬ.

Въ зàмкѣ розъ, подъ зеленою сѣнью плющей,
Въ діадемѣ, на тронѣ, Тамара сидитъ [37]).
На мосту слышанъ топотъ коней;
Надъ воротами сторожъ трубитъ...
И толпа ей покорныхъ князей
Собирается къ ней.

О внезапной войнѣ имъ она говоритъ,
О грозѣ, что съ востока идетъ;
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ,

И какъ солнце красою блеститъ...
Молодые вожди, завернувъ въ башлыки
Свои мѣдные шлемы, стоятъ
И внимаютъ тому, что отцы старики
Ей въ отвѣтъ говорятъ.

Въ ихъ толпѣ лишь одинъ не похожъ на другихъ;
И зачѣмъ во дворецъ,
Въ византійской одеждѣ [38]), мечтательно тихъ,
Въ это время явился пѣвецъ?...

Не царицу Иверіи, въ сонмѣ князей,
Божество красоты молча видитъ онъ въ ней.
Каждый звукъ ея голоса въ немъ
Разливается жгучимъ огнемъ;
Каждый взглядъ ея темныхъ очей
Зарождаетъ въ немъ тысячу змѣй...
И, восторженный, думаетъ онъ:
Не роскошный ли видитъ онъ сонъ...
И какой нужно голосъ имѣть,
Чтобъ Тамару воспѣть?...

Вдохновеннымъ молчаньемъ своимъ
Показался онъ страненъ другимъ.
И упалъ на него испытующій взглядъ,
И насмѣшки мучительный ядъ

Въ его сердце проникъ; и любовью палимъ,
И тоскою томимъ,
Изъ дворца удалиться онъ радъ!

Отпустили толпу; сторожъ громко трубитъ;
На мосту слышенъ топотъ копытъ;
На окрестныхъ горахъ зажжены
Роковые сигналы войны;
И гонцы, улетая на бòрзыхъ коняхъ,
Изчезаютъ въ окрестныхъ горахъ...

Съ грустной думой Тамара на тронѣ сидитъ;
Не снимаетъ Тамара вѣнца,
Провожаетъ глазами толпу и велитъ
Воротить молодаго пѣвца.

И послышался царственный голосъ жены:
«Руставѐль! Руставѐль! Ты одинъ изъ мужей
Родился не въ защиту страны;
Кто не любитъ войны,
Не являйся мнѣ въ сонмѣ князей!
Но ты любишь дѣла и побѣды мои;
Я готова тебя при дворѣ принимать..
Меньше пой о любви,
О безумной любви, и тебя награждать
Я готова за пѣсни твои!...»

И, блѣдняя, поникъ Руставѐль головой.
Передъ гордой царицей обширныхъ земель;
И, смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Руставѐль:

— «О, царица! Чтобъ не былъ я въ сонмѣ князей,
На всегда удалиться ты мнѣ повели;
Все равно! Образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли!
Буду пѣть про любовь — ты не станешь внимать...
Но, клянусь! на возвышенный голосъ любви,
Звѣзды будутъ лучами играть,
И пустыня, какъ нѣжная мать,
Мнѣ раскроетъ объятья свои...
Удаляюсь, прости! Безъ обидныхъ наградъ,
Довершу я созданье мое [39]):
Но его затвердятъ
Внуки нашихъ внучатъ...
Да прославится имя твое!»

1851.

НАДЪ РАЗВАЛИНАМИ

ВЪ ИМЕРЕТІИ.

Когда на листья винограда
Слетала влажная прохлада,
Съ недосягаемыхъ вершинъ;
Когда вечерній звонъ Гелàта,
Въ румяныхъ сумеркахъ заката,
Смутивъ пустыни грустный сонъ,
Перелеталъ черезъ Ріонъ;
Здѣсь на кладбищахъ, позабытыхъ
Потомствомъ, посреди долинъ,
Во мглѣ плющами перевитыхъ
Каштановъ, лавровъ и раинъ,
Мнѣ снился рой тѣней, покрытыхъ
Струями крови, пылью битвъ,

Мужей и женъ, душой сгорѣвшихъ
Въ страстяхъ, и въ небо улетѣвшихъ,
Какъ дымъ, безъ мысли и молитвъ...

Но тщетно, посреди видѣній,
Мой умъ наставника искалъ;
Въ ихъ тѣснотѣ народный геній
Лучемъ безсмертья не сіялъ!

И проносился рой духо̀въ,
Какъ бы ища своихъ слѣдовъ
Надъ прахомъ тѣлъ, давно истлѣвшихъ,
Подъ грудами неуцѣлѣвшихъ
Соборовъ, башенъ и дворцовъ...
Въ устахъ, для міра охладѣвшихъ,
На все звучалъ одинъ отвѣтъ:
«Здѣсь было царство, царство пало...
Мы жили здѣсь, и насъ не стало...
Но не скорби о насъ, поэтъ!
Мы пили въ жизни полной чашей;
Но вамъ изъ гроба своего,
Въ усладу бѣдной жизни вашей,
Не завѣщали ничего!...»

И пронеслись... Но, сквозь туманы
Протекшихъ лѣтъ, передо мной,

Неотразимой красотой
Мелькаетъ образъ Дареджаны...
Въ ея глазахъ — любовь и мгла,
Тоска на мраморѣ чела;
Въ груди огонь желаній скрытыхъ,
И возмутительныхъ страстей
Зараза, и коварный змѣй
Въ улыбкѣ устъ полураскрытыхъ...

1850.

(*Кутаисъ.*)

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) *Татарская пѣсня* эта была доставлена покойнымъ Абазъ-Кули-Ханомъ одному польскому поэту, Ладо-Заблоцкому, съ которымъ я познакомился въ Тифлисѣ, въ 1846 году, за годъ до его кончины въ Кульпахъ.—Онъ перевелъ эту пѣсню по польски, прозой; я, какъ умѣлъ, русскими стихами....

[2]) *Сарбазы*—персидскіе солдаты, гарнизонъ.

— *Нацвалъ* — деревенскій староста.

[3]) *Чингури* музыкальный инструментъ съ чертырьмя, а иногда съ пятью металлическими струнами. На струнахъ играютъ однимъ пальцемъ, на который обыкновенно надѣваютъ искуственный костяной ноготь.—Чингури такой-же общеупотребительный инструментъ за Кавказомъ, какъ въ Россіи балалайка.

[4]) Чтобъ познакомить моихъ читателей съ характеристикой здѣшнихъ праздниковъ, помѣщаю отрывокъ изъ моего описанія Мардкопскаго праздника, напечатанный въ фельетонѣ Закавказскаго Вѣстника, 1849 года, № 35.

«....Въ гору поднималась дорога. Она вела насъ въ пустыню, въ глушъ и лѣсъ, а намъ казалось, что мы приближаемся къ многолюдному городу; трудно было проѣхать верхомъ. Широкія, двухъ-колесныя арбы, убранныя снопами, занавѣшанныя коврами и паласами, медленно, какъ допотопныя колесницы, подвигались впередъ, влекомыя усталыми буйволами; полы ковровъ были откинуты; цѣлыя семейства — старухи съ грудными дѣтьми, и молодыя дочери ихъ, сельскія красавицы, облокотясь на подушки, поглядывали на мимо ѣдущихъ, стройныхъ и нестройныхъ, старыхъ и молодыхъ, красивыхъ и неуклюжихъ, бѣдно и богато одѣтыхъ всадниковъ. Пѣшіе поселяне вели

и гнали барановъ; шумъ, говоръ, пѣсни и музыка заглушали ихъ жалобное блеяніе. Всѣхъ печальнѣе былъ баранъ, прикрученный къ доскѣ, которая, не знаю какъ, была прилажена между колесомъ арбы и между сидящими на ней женщинами. Рѣдкій всадникъ ѣхалъ молча, не заломя на бекрень грузинской шапки, не подбоченившись и не распѣвая пѣсенъ. Смуглыя лица ихъ уже достаточно были подрумянены.

«Когда, поворотивъ на право, поднялись мы на гору, развалины храма потеряли ту грандіозность, которая поражала насъ въ то время, когда мы за полверсты приближались къ нимъ, быть можетъ потому, что измѣнилась точка зрѣнія. Подъ кустами, въ ямахъ, бѣлѣли камни, служившіе нѣкогда основаніемъ келій; невысокая стѣна, мѣстами обрушенная, шла по лѣвую сторону дороги и примыкала къ стѣнамъ главной развалины. Наконецъ, покинувъ лошадей, вышли мы на площадку, которая нѣкогда служила помостомъ храма. На площадкѣ, подъ открытомъ вечернимъ сводомъ неба, молился народъ, надъ гробомъ Святаго Антонія и цѣловалъ парчу, покрывающую могильную плиту его. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой могилы возвышался деревянный на четырехъ точеныхъ столбикахъ, навѣсъ, поддерживающій хрустальное паникадило, и осѣнялъ налой, на которомъ всего замѣтнѣе былъ нерукотворенный образъ Спасителя. Чѣмъ темнѣе становился необъятный сводъ, тѣмъ свѣтлѣе было въ стѣнахъ развалины: восковыя свѣчи горѣли ярко; вѣтеръ спалъ; — молча, сложа мѣшки свои, дремала на камняхъ отдыхающая нищая братія, тогда какъ праздникъ за стѣнами становился все шумнѣе и шумнѣе, по мѣрѣ того, какъ загорались звѣзды, а время бѣжало къ полуночи.

«Когда, поклонившись гробу, я съ площадки сошелъ на дорогу — картина праздника, полная блеску и движенія, невольно заставляла меня на каждомъ шагу останавливаться и любоваться. Быть можетъ мѣстность увеличивала очарованіе: кругомъ чернѣли горы и лѣсъ, взбирающійся на высокіе хребты ихъ — пріютъ вечернихъ облаковъ и постоянной свѣжести. Я посмотрѣлъ туда, куда склонялся млечный путь, и взоры мои упали прямо на скалу и башню Св. Антонія. Скала и башня, сливаясь въ одну безразличную массу, какъ туманъ, сгустившійся и оцѣпенѣвшій въ видѣ остроконечнаго конуса, заслоняли собою миріады звѣздъ и

какъ будто сами говорили мнѣ: посмотрите, какъ мы высоки и далеки отъ вашего праздника! Понимаю возможность мечтать въ пустынѣ, понимаю возможность описывать хорошія окрестности, если не видишь ничего лучше этихъ окрестностей; но ко мнѣ на встрѣчу тихо и молча шли цѣлыя семейства, цѣлыя группы дѣвушекъ, съ откинутыми назадъ покрывалами. Зурна и выстрѣлы не помѣшали слышать легкій шорохъ и шелестъ шелковой, праздничной одежды ихъ; а блескъ и зарево костровъ, освѣщая молоденькія, свѣженькія лица ихъ, придавали имъ такую правильность, такую живость и томность, что я не шутя былъ радъ оптическому обману, который въ эту ночь такъ удачно гармонировалъ съ настроеніемъ души моей.

На право и на лѣво, на горѣ и подъ горою, далеко и близко были раскинуты шатры и палатки изъ простынь и парусины, которыхъ полы на аршинъ не доходили до низу, и стало быть позволяли взору свободно проникать въ ихъ внутренность. Впрочемъ кто-жъ и прятался! Все было на виду. Ковры, мутаки, одѣяла, мѣшки, ларчики, кувшины, серебряныя кулы, стаканы, блюда — все это было въ самомъ поэтическомъ, прекрасномъ безпорядкѣ. Дымящіеся самовары напоминали мнѣ гулянье въ Сокольникахъ, подъ Москвой, а звуки зурны и пѣсни невольно надували въ уши забвенье родному сѣверу.

«Картина праздника, не смотря на все свое единство, была такъ разнообразна въ частяхъ своихъ, что нѣтъ возможности ее представить, не коснувшись множества группъ, которыя встрѣчалъ я, шатаясь между людьми и колесами, переступая веревки растянутыхъ шатровъ, посреди огней, которыхъ дымъ начиналъ ѣсть глаза мои. Въ одномъ мѣстѣ, подъ удары въ бубенъ, я видѣлъ, по очереди выходили въ кружокъ и плясали дѣвушки, тѣ самыя, которыхъ за минуту видѣлъ я коленопреклоненными передъ могилой Святаго отшельника. Нѣкоторыя изъ нихъ, разгорѣвшись отъ пляски, вновь шли молиться на развалины. Толпа мущинъ въ чухахъ и буркахъ, сбираясь вокругъ танцующихъ, мѣрно била въ ладоши, но все время сохраняла спокойный, отчасти мрачный видъ, который такъ шелъ къ воинственной одеждѣ ихъ.

«Но есть-ли возможность не улыбаться заѣзжему! Вотъ напримѣръ: у древеснаго пня, живо помню, на сучьяхъ виситъ что-то неопредѣленное, вѣроятно старыя больнія

платки, сшитыя вмѣстѣ; подъ этимъ навѣсомъ, изъ подъ одѣяла, въ грузинской шапкѣ на бекрень, выглядываетъ ребенокъ; дѣвочка лѣтъ 7 пляшетъ передъ нимъ лезгинку; другая, немного старше, мастерски подбрасывая бубенъ, и безпрестанно ускоряя темпъ, сама подергиваетъ плечами; третья дѣвочка, вѣроятно служанка, держитъ подъ мышками два кубышкообразныхъ персидскихъ барабанчика; а старуха, быть можетъ нянька, а можетъ быть и мать, горбатая и сморщенная, наклонившись, бьетъ въ эти барабаны не хуже всякаго барабанщика; и дрожащій свѣтъ потухающаго костра освѣщаетъ групну. Невдалекѣ кружокъ поселянъ: старикъ изъ бурдюка нацѣживаетъ вино — я прохожу мимо, мнѣ машутъ руками, зовутъ, пьютъ за мое здоровье и наливаютъ полный стаканъ... «Пей! говорятъ, алла верды! садись съ нами, Русулъ!» Отказаться отъ вина — значитъ обидѣть; я пью. Толпа кричитъ ура! и запѣваетъ пѣсни.

«Музыканты съ зурнами, чингурами, барабаномъ и бубнами, ходятъ отъ шатра къ шатру и деньги безъ уговора сыплются имъ въ руки, въ награду за неутомимое усердіе. Красныя щеки, надувая зурну, какъ мѣха, страшно раздуваются; звуки неистовые, пронзительные, какъ плачъ и крикъ, вырываются съ невѣроятною силою, заглушая выстрѣлы, которыя раздаются по лѣсу. Всѣ въ восторгѣ. Ноги плясуна страшно работаютъ; пестрыя чулки его мелькаютъ на пестромъ коврѣ; стаканы безпрестанно заслоняютъ усы пирующихъ; полураскрытыя уста и черныя очи городскихъ и сельскихъ красавицъ выражаютъ полное удовольствіе.

«Часу въ первомъ ночи, я уже видѣлъ спящихъ и дремлющихъ, но только женщинъ и дѣтей. Многія изъ нихъ спали во всемъ платье на открытомъ воздухѣ. Что касается до меня — увы! я также, подобно имъ, имѣлъ намѣреніе выспаться. Надобно вамъ сказать, вблизи развалинъ, однимъ зажиточнымъ гражданиномъ устроена комната для пріѣзжающихъ. Тамъ, гостепріимный хозяинъ далъ мнѣ подушку, и оставилъ мѣсто, гдѣ протянуть ноги и накрыться шинелью. Но двери этой комнаты всю ночь отворялись и толпы поселянъ, съ фонарями и съ пѣснями врывались въ комнату; схватившись руками, выдѣлывали па и не слишкомъ безпокоились объ нашей усталости. Понявъ наконецъ всю невозможность заснуть, я вышелъ въ лѣсъ. Тихо было въ воздухѣ, костры потухали; но лѣсъ гудѣлъ отъ пѣсенъ.

Все что за два часа тому назадъ сидѣло отдѣльными кружками—все это поднялось, собралось, растянулось въ длинные хороводы, запѣло и заплясало; только и было слышно: Гу! гу! гу!... гу! гу! гу! Здѣшнія хороводы не то, что русскіе: поселяне кладутъ другъ другу на плеча руки, какъ бы опираясь другъ на друга, чтобы не упасть, — дѣлаютъ два прыжка на право и потомъ на лѣво, потомъ опять два прыжка на право и опять на лѣво. Эти хороводы такъ необыкновенны для гласъ пріѣзжаго, что стоитъ не спать одну ночь, чтобъ видѣть ихъ.»

[5]) *Азарпеша* — серебряная или золотая съ рукоятной заздравная чаша, необходимая принадлежность грузинскихъ обѣдовъ; азарпешу передаютъ изъ рукъ въ руки по приговору *тулумбаша* или начальника попойки, избраннаго гостями. Обыкновенно каждый долженъ пить за здоровье каждаго т. е. столько разъ, сколько присутствующихъ....

[6]) Національный танецъ лезгинка всегда сопровождается мѣрнымъ рукоплесканіемъ всѣхъ присутствующихъ. — На сельскихъ праздникахъ, по большой части вдвоемъ, пляшутъ дѣвушки: когда устанутъ, выбираютъ изъ кружка своихъ подругъ двухъ другихъ и просятъ ихъ съ поклонами на середину круга.

[7]) *Бичо*! мальчикъ! — Звательный падежъ грузинскаго *бичи*, употребляемый здѣсь русскими во всѣхъ падежахъ.

[8]) *Катиба*, родъ полушубка съ длинными откидными рукавами. — Въ Грузіи не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, случается встрѣтить женщинъ въ атласѣ и бархатѣ.

[9]) *Авлабаръ* — часть города Тифлиса, на лѣвомъ берегу Куры.

[10]) *Саллалаки*,—также часть Тифлиса, или лучше сказать юго-западная оконечность города, расположенная въ Салалакскомъ ущельи. До сихъ поръ Саллалаки имѣютъ видъ аула и необыкновенно живописны. — Нагорный Салалакскій ключь, перебѣгающій новую дорогу въ Коджоры, рваную порохомъ, есть единственный источникъ, который, посредствомъ канавъ и трубъ, наполняетъ бассейны и орошаетъ всѣ сады, зеленѣющіе въ этой части города.

[11]) *Личакъ* лучшая принадлежность женскаго головнаго убора въ Грузіи. Личакъ — родъ вуаля, который постоянно откинутъ назадъ и виситъ безчисленными складками, гораздо

ниже пояса; при малѣйшемъ вѣтрѣ онъ волнуется потому что обыкновенно бываетъ тюлевый, иногда вышитый бѣлымъ шелкомъ, иногда усыпанный серебряными звѣздочками. Пожилыя женщины уже перестаютъ носить личакъ.

[12]) Въ первый разъ эти стихи были напечатаны въ разсказѣ «Два незнакомца—живой и мертвый», помѣщенномъ мною въ 44, 45 и 46 №№ Закавказскаго вѣстника 1848 г.

[13]) Это стихотвореніе было также напечатано въ «Вѣстникѣ», подъ ошибочномъ названіемъ «*въ Грузіи*». Охотникамъ до журнальныхъ рецензій рекомендую 3 № Кавказа 1849 года, гдѣ они могутъ прочитать разборъ этого стихотворенія.

[14]) *Царь Вахтангъ* — Грузинскій лѣтописецъ.

[15]) *Тамары* — въ Имеретіи много развалинъ, которые носятъ имя знаменитой царицы. — Развалины дворца ея въ окрестностяхъ Кутаиса посѣщалъ я въ 1846 г.

[16]) Букеты въ видѣ подносовъ — называются *нобатами*.

[17]) *Въ давильняхъ толкотня*. Строенія, гдѣ дѣлаютъ и хранятъ вино, называются въ Грузіи *маранями*. Давильня, это мѣсто въ марани, отгороженное каменною стѣнкой, куда сваливаютъ виноградъ и давятъ его босыми ногами. Виноградный сокъ по желобамъ стекаетъ прямо въ кувшины, врытые въ землю. Эти кувшины бываютъ иногда и въ сажень глубины.

[18]) Знаменитый Аллавердскій праздникъ въ Кахетіи бываетъ 14-го Сентября.

[19]) *Кн. А. И. Ч-зе......*

[20]) Эпитетъ *колючій* покажется не вѣрнымъ для тѣхъ кто не знаетъ, изъ какихъ колючихъ сучьевъ дѣлаются здѣшніе плетни — слово *плетень* скорѣй невѣрно, потому что ихъ дѣваютъ, насаживая на колья пучки сухихъ, тѣсно перепутанныхъ колючихъ сурьевъ. Перелезть черезъ такой плетень просто нѣтъ возможности.

[21]) *Агаларъ* — татарскій помѣщикъ, Агалары — сословіе, пользующееся особыми правами въ здѣшнихъ мусульманскихъ провинціяхъ. Что касается до образа жизни и образованности, большая часть изъ нихъ ничемъ не отличается отъ крестьянъ своихъ.

[22]) *Калымъ* — приданое или подарки со стороны жениха отцу невѣсты.

[23]) Ганжа—Елисаветополь.

[24]) *Руйбянда* или *рубанда* — такъ бочарлинскіе Татары

называютъ женскую повязку, закрывающую нижнюю часть лица до самыхъ глазъ.

[25]) *Бакальщикъ* — продавецъ фруктовъ.

[26]) *Канаусъ* — шелковая, одноцвѣтная, персидская матерія; ее однакожъ ткутъ и въ Грузіи.

[27]) *Хабарда!* — посторонись! поди-поди! крикъ Тифлисскихъ извощиковъ.

[28]) *Бурдюкъ* — сшитый и засмоленный мѣхъ изъ буйволовыхъ или козлиныхъ шкуръ, для сбереженія вина, масла, меду, и даже сыру — Есть будрюки, которые могутъ вмѣщать въ себѣ около 200 тунгъ вина — (тунга 5 бутылокъ).

[29]) Въ Кахетіи, какъ и въ другихъ Закавказскихъ провинціяхъ, есть обыкновеніе хиной окрашивать усы и бороду — обычай, заимствованный отъ Персовъ.

[30]) *Муша* — нанимающійся переносить тяжести — Безъ мушей въ Тифлисѣ не обходится ни одного перехода съ квартиры на квартиру, ни одного базара.

[31]) *Подкоши*—башмаки, безъ задковъ, на высокихъ каблукахъ.

[32]) *Майданъ* — Татарская базарная площадь.

[33]) *Метехъ* — небольшое укрѣпленіе, построенное при Главноуправляющемъ въ Грузіи, А. П. Ермоловѣ — Метехъ стоитъ надъ Курою, на краю береговой скалы, и господствуетъ надъ городомъ. — Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, здѣсь былъ дворецъ Царя Арчила, имъ покинутый и потомъ занятый Турками.

[34])*Саятъ-Нова* — анонимъ одного изъ армянскихъ пѣвцовъ прошлаго столѣтія. Предлагаемое стихотвореніе—переводъ нѣсколькихъ строфъ изъ небольшаго числа его пѣсенъ, пощаженныхъ временемъ. Первый стихъ этого стихотворенія грѣшитъ противъ физики; но это не моя вина. О Саятъ Новѣ и характерѣ его пѣсенъ я написалъ небольшую статью — См. 1 и 2 №№ газеты «Кавказъ». 1851 года.

[35]) *Сатаръ* — собственное имя извѣстнаго въ Тифлисѣ персидскаго Пѣвца. — Сатара можно слышать на грузинскихъ и армянскихъ свадьбахъ, куда онъ является въ сопровожденіи музыкантовъ. Ему акомпанируютъ: *чингури*, бубенъ, *тимплипито* и *чіанури*, т. е. азіятская скрипка. Его восторженно-дикіе вопли, поражая слухъ европейца новизною, рождаютъ въ душѣ странное, тревожное чувство

[36]) Стихотвореніе «*Выборъ Уста баша*» основано, если не на дѣйствительномъ фактѣ, покрайней мѣрѣ на молвѣ, извѣстной всему Тифлису. *Уста-башъ* тоже, что голова или старшина.

[37]) *Амкаръ* — община. Въ отношеніи къ понятію о цехѣ это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе, ибо цехъ предполагаетъ только общину мастеровъ или ремесленниковъ, тогда какъ въ Тифлисѣ *амкаръ* составляютъ не только ремесленники, но и торговцы, какъ то: бакальщики, или продавцы фруктовъ, водовозы и другіе. Выборъ уста-баша сопровождается разными церемоніями. — См. «Кавказъ» 1850 года, № 93, статью, И. А. Сливицкаго.

[38])*Замокъ розъ* — по грузински *Вардисъ-цихе*. Развалины этого замка находятся верстахъ въ двадцати отъ Кутаиса, при сліяньи рѣкъ Квирилы съ Ріономъ.

[39]) *Шота Руставель* свою молодость провелъ въ Византіи, гдѣ и получилъ образованіе. Онъ — авторъ Грузинской поэмы: «Барсова кожа» и современникъ Тамары.

[40]) Нѣкоторые изъ грузинъ увѣрены, что въ поэмѣ своей «*Барсова Кожа*» Шота Руставель, подъ именемъ дочери индѣйскаго царя, Нестанъ Дареджаны, воспѣваетъ царицу Тамару.

Всѣ изустныя преданья о вѣкѣ Тамары единогласно подтверждаютъ, что Шота Руставель былъ влюбленъ въ знаменитую царицу. Есть еще преданіе, будто бы Руставель былъ отравленъ за то, что осмѣлился просить руки царицы, въ награду за стихи свои.

